

СМЕНА

№ 22 [1924] НОЯБРЬ 1965

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

КАК ПОКОРИЛИ ПЛАМЯ

[Фотоочерк
«Двести дней подвига»
смотрите
на 2—5-й страницах]

в этой тиши Таганрогского залива возле абрикосовых садов и по соседству с одиночными домиками серым от пыли, делать снаряды. Началось с этого. Но затем удалось не совсем, потому что, кроме станков, им пришлось привезти сюда еще и кадровых металлургов из Москвы и Петрограда: посулили им заработки больше прежних, а жить этим людям — они приезжали без шкафов и кроватей, но с женами и детьми — было нелегко, разве в землянках, среди голой степи, и степь угнетала, и базар торчила от дороговизны, а строить завод нужно было днем и ночью...

В Таганроге есть еще люди, которые хорошо помнят прошлое. Но старого завода нет и в помине. Те-

том, в тишине, оставшись с собой один на один, подумать, почему стоит отмечать этот юбилей и писать о нем.

Ищу главное

Я всегда исхожу из того, что не только человек, но и любое место на земле, и дерево, и город, и даже самый неказистый переулочек имеют свой характер. Это же самое относится и заводу. И важно именно это. Иначе ничего не поймешь. Иначе города и заводы станут похожими друг на друга. А мне важно, чтобы вы увидели именно этот завод, только этот, главное в нем. И я искал... Я заставлял себя возвращаться в цехи, а потом снова приходил к глав-

ТАГАНРОГСКАЯ СМЕНА

Мы все едим хлеб. И мы знаем, как пахнет наш хлеб, и каков он на вкус. И, конечно, всем известно, что комбайн — это не только полированный ящик, в котором сразу телевизор, приемник и магнитофон, но и сельскохозяйственная машина. И не сомневайтесь, что вы комбайн видели. Ну, по крайней мере, из окна поезда. И как он въезжает в желтое поле, и как это поле начинает пылеть и становится серым, и тут же в кузова грузовиков сыплется зерно. Комбайн — машина сложная. Она не только большая, но и точная. И, чтобы сделать ее, нужен целый завод.

Я был на этом заводе. Ему исполнилось нынче пятьдесят лет, он юбилей.

Совершенно немного истории

Завод привезли в Таганрог из Казахстана. Случилось это пятьдесят лет назад, на втором году мировой войны. Именно в это время акционеры Русско-Балтийского общества поняли, что война будет долгая и неудачная, а Ревель (Таллин) — место и вовсе опасное. И когда они это поняли и когда после торопышких поисков нашли в тылу кусок дешевой земли и выторговали эту никому не нужную землю — то была потряскавшая от жары степь, голая, твердая, злые колючки и синяя пыльнь, — они привезли свой завод из Ревеля сюда и здесь сгрузили оборудование, чтобы

перезапустить это новое предприятие. Это целый городок, шумный, гулкий, гремевший, в котором двадцать тысяч жителей, уже седеющих и совсем юных, в синих комбинезонах и цветных косынках. Завод огромный, и не только в масштабах Таганрога — он работает на весь Союз. И все же о старом... Я хочу сказать, что зерно, посеянное когда-то питерскими и московскими металлургами, не пропало. Осталась и выучка, и профессиональная гордость, и умение жить широко, по большому счету, не прилипнув только к своему станку. И к этому еще и мужество и высокая организованность, без чего было все невозможно в 41-м, когда завод пришлось грузить в эшелоны, перевозить через полстраны, а потом начинать работать для фронта не просто на пустом месте — там было лето, сугробы снега и не южный, жиденький, а крепкий сибирский мороз, и людей не хватало. И еще: Таганрог не мыслится без этого завода. Без него нельзя понять, откуда здесь такая уйма людей высокой рабочей квалификации.

А теперь я поделюсь с вами мыслями, которые мне пришли в голову, когда я был там. И, пожалуйста, не думайте, что не будет ничего, кроме «ада, виага фрез, залаха краски и горячего железа, хотя без этого хлеба все еще не получается. В знойную августовскую пору, когда на баках дозревают дыни, когда термометр показывает тридцать восемь в тени — и прикиньте сами, сколько он покажется в литейном цехе, — и даже легкая рубашка липнет к телу, здесь можно в обеденный перерыв сбегать к морю или поспать возле цветов, а вечером, не расставаясь с заводом, стать футбольным болельщиком или, откинувшись в кресле, послушать оперу и посмотреть балет. И уже по-

тому инженеру и к директору, и бродя по чистым и прохладным комнатам Дома техники, где готовилась юбилейная выставка, и стоял возле жатки, когда их грузили на платформы, чтобы отправить в Чехословакию и Марокко, в Гауи и в Индию, и даже заглянул в киностудию, где посмотрел любительский фильм о детях, которые отдают на Черном море, в санатории завода. И в конце концов я решил посмотреть на завод со стороны, увидеть его глазами другого человека. Так я оказался в кабинете Ханана Ильича Изаковска, лауреата Ленинской премии, руководителя специального конструкторского бюро сельскохозяйственных машин, расположенного там же, в Таганроге.

Был день. Переде мной за большим столом сидел человек в полонизном костюме, пожилой, загорелый. Он начал рассказывать. И я услышал целую историю, занимательную, смешную и грустную историю о рождении самоходного комбайна. О том, что это, оказывается, было совсем не просто. И о том, что участвовали в этой истории и старый упрямый прицепной комбайн, которого никак нельзя было столкнуть со сцены, и косность, и глупость, и страх перед новым, и риск.

— Как знать... Как знать, было бы в стране столько самоходных комбайнов, если бы не Таганрогский завод? Или там энтузиазм. Я бы даже сказал, что это завод-энтузиаст.

Он взял папиросу, а я с любопытством следил за его черными глазами, каждую секунду мигающими. Он был позитом новых машин, и меня как-то удивили эти стертые слова — завод-энтузиаст. И он, видимо, понял меня, сказал:

— Я вам объясню. Когда самоход-

Пролетарии всех стран, соединитесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

Год издания сорон второй
Выходит два раза в месяц

22 (924) НОЯБРЬ 1965

ный комбайн, можно сказать, похоронили... хоронил самую идею — это было в пятнадцать шестом году — мы в нашем СКБ создали совершенно новый тип машины. Но, чтобы нам поверили, мы должны были показать комбайн, а не чертежи. И как он ходит и как убывает. Мы знали, что машина будет хорошая. Но как доказать? Где же сделать? И мы пошли на завод. Провели, конечно. Потому что мы сами по себе, а завод сам по себе. У нас программа, план. Им в это время как раз прислали чертежи прицепного комбайна, они должны были осматривать его, и им было не до нас. И все-таки, представьте, поверили. Посмотрели наши чертежи, и зажглись, и решили рискнуть. Они зажглись все, от директора до рабо-

— Жатки, мосты ведущих колес и самоходные шасси.

— А самоходный комбайн?

— Это уже вчерашний день.

— Как тек?

— А так...

И меня убедили. Меня в одну минуту приобщили к технике и прогрессу. Болты, передачи и шестерни закружились передо мной и стали живыми. И появилось желание надеть комбинезон и взять в руки ключ. И теперь я не хочу быть левцом самоходных комбайнов. Это старо, это думается, это старо, это просто мотовство. Почему? А вот. В стране план — иметь миллион самоходных комбайнов. Но ведь комбайн работает один месяц в году. А потом... Ржавеет. И сто миллионов ло-

Галина МЕЛЬНИКОВА, конструктор двигателя цеха, и слесарь-сборщик Станислав ДЕМЬЯН

Среди грохота, когда надо было кричать:

— Почему вы не работаете? Станислав?

— Нет деталей. Деталей, говорю, нет.

— А «молнии» почему не выпустили? А?

— Скажи диспетчеру!

— Диспетчеру? А почему не пришла ли мина?

— Диспетчер сказал, что детали будут.

Разговор сухой. Он таким и был, и я не старался его разупростить. Я намеренно передавал его в точности, чтобы вы «внушили» жизнь Галины Мельниковой. Если бригада стоит, конструктор своими руками сделать не может. Есть должностные лица, которые отвечают за детали. И эти должностные лица, конечно, знают, что бригада стоит. Что-то затверло. Но и конструктор тоже отвечает за цех. И вот тогда начинается: Мельникова уже «подогреета», она сама идет к диспетчеру, и к ней тут же приставляется — майской Тали Гущин — ему не дают отступать, а за ним приставляется девушка с бунтом шестом, потому что у Гайфуриной Лиды день рождения, надо поздравить, а потом еще и Валия Горб приставляется тоже — у него обряд на шестой цех.

Много ли способна сделать Галина Мельникова? Определено можно сказать одно: она старается, она третит себя без остатка — вот главное ее качество. И пока в цехе трудятся такие повелы, который мог бы заменить ее.

чего. И за сорок дней,— я хочу подчеркнуть это, срок просто невероятный, машина для них нова,— прошло сорок дней от первого чертежа до готового комбайна «СК-3». Они делали этот комбайн по вечерам, нашли время, металл... И потом волновались вместе с нами, когда комбайн пошел на испытание. И наш комбайн победил лучше американские и европейские машины. И после этого был пущен в массовое производство. Вот скажите, чья в этом заслуга? Теперь понимаете? Ведь они же могли отмахнуться от нас. Я говорю вам об отношениях в цеху. Мне кажется, это — самое важное. Они были и остаются энтузиастами. Вы видели шасси?

— Шасси. Рама, и на этой раме мотор.

— Какова же идея?

— Я вам отвечу. Теперь могу ответить:

— Шасси. Рама, и на этой раме мотор.

Нет, это не просто шасси. Кузов можно сжать и на его место вставить... комбайн. А если нужно, другую сельскохозяйственную машину. Скажите, это мысль? Ведь здорово! Сто миллионов лошадиных сил всегда при деле!

И все же. Поверить в это или нет? Тут снова возвращаются наши старые знакомые: страх, осторожность... Самоходный комбайн — машина как-никак ведь знакомая, проверенная. А шасси!.. В плане завода шасси нет. На это надо выкраивать время, деньги... Стоит ли?

Так я нашел то, что искал. Крошечная справка. Сейчас в стране 500 тысяч комбайнов. Около трети из них сделано в Татарстане.

О, шасси

Должен признаться, что никогда прежде я не слышал о самоходных шасси. Если вы слышали, вам повезло. Довольно слухно я знал только вот что. Сперва был прицепной комбайн. Потом в этот комбайн вставляли мотор и тем самым освободили трактор и тракториста. Это, конечно, выгодно. Но что такое самоходное шасси!.. И вот первое, что меня поразило, когда я приехал на Татарстанский комбайновый завод,— я не увидел знаменитого комбайна, «короля комбайнов», как его называли на одной международной выставке. То го самоходного, создателя которого были удостоены Ленинской премии, на заводе не было.

ЧТО ВЫ ДУМАЕТЕ ОБ «СК-75»

Эдуард Зоуля, слесарь-сборщик:

— Машину надо брать в производство. Идея стоящая. Но нужно эту машину сделать проще. Технологию и конструкторам еще надо думать. А вообще — за!

Владимир Лукин, инженер:

— Я против «СК». Машина круглых год работает не может. Она не вечный двигатель. А если сломается перед уборкой! И колхозы не потянут с такой машиной! Слишком высокий класс точности. Спроса на «СК» не будет. Зачем это заводу!

Любовь Плетнева, токарь-универсал:

— О машине знаю, думала о ней. Я родом из того колхоза, где испы-

Мануил АНОПИЯ, слесарь цехового литового цеха

Я представляю вам Анатолия вовсе не потому, что он самый что ни на есть пародий, или потому, что он сверхчеловек. Во все не индустриальное, когда шель в своей серой спелочной миме горючих печей, когда, вытаращив губы, водил напыльником заманчивая модель, показывая мне самые ридовые парнем, в котором я никак не мог разглядеть этой самой его способности «пространственно воображать», что есть самое важное для слесаря-модельщика, и что так же, как трудолюбив, заложено в Анатолие природой, а потому он талантливый слесарь. И сам он после того, ман нас познавали, наклонил большую голову, поглядывая на меня косячками и чуть настороженными глазами, никак не мог объяснить, что в нем выходящегося, я сам не нахожу, ивинею потому и говорю об Анатолии, что его судьба обаятельно, которого знает весь завод. Заместитель начальника цеха сказал о нем: «Работник превосходный, характер замечательный, способность выше уровня, отзывчивость отличная».

Любопытная подробность: Ницца, ман его зовут на заводе, «перетачивать» со строями в цех свою ивину, помог ей получить высшее образование и скоро сам по генеральному семейному плану будет инженером.

Виктор САЧКО, заместитель начальника 24-го цеха

Среди прочих человеческих талантов есть один необычайно редкий и ценный — умение жить быстро и широко. Вот Виктор Сачко ман раз человек с этим талантом. Он вырос в Татарстане, на Свеагостольской улице, куда все — агриновский сад. Под осень земля желтая. И за свои двадцать восемь лет этот человек чего только не успел. Не знаю, что сперва... Сперва, может быть, узнал, что такое «вольная жизнь», а потом дважды вступил в комсомол. Пошел на комбайновый завод слесарем, стал токарем, получил среднее образование, потом и высшее, на целине стартом заболел, еле выжил, сейчас член партии и спорю, может быть, станет главным технологом завода.

У Виктора Сачко внимательные, вдумчивые глаза. Человек это умный, без всяких оговорок, и с большими организаторскими способностями. Но я хотел сказать о другом его качестве: он чест, чест в мыслях, чест душевно. Если бы не его ум, он мог бы показаться наивным. И от этой его чистоты и поступки не припринимет на другого, не посчитается со своим. Мне хотелось бы сделать Виктора Сачко героем своей будущей повести.

тывают сейчас наши пробные «СШ». Была там в отпуске и слышала, как их хвалят. Считают, что стране нужна такая машина, а нам не нужно бояться трудностей...

Я ставлю точку. Вопрос сложный, и его не здесь решать. Я видел «СШ» в поле. Это первые машины. Они убирают хлеб, вывозят на поля навоз, в амбары — зерно. Я хотел сказать здесь о другом: об отношении людей к делу, когда жизнь становится шире, чем «свой цех», «свой станок», «своя зарплата». Главное, мне кажется, в этом.

Возможно, в любительском фильме, который снимают сейчас к юбилею завода, будут такие кадры.

Цех. Инженеры и рабочие стоят вокруг Изаковского, рассматривают чертежи, спорят.

Кончилась смена. Зима. Комсомольцы берут лопаты, ломы и грызут и царапают твердую землю. Здесь будет построен цех самоходных шассис. Готовое здание цеха. Конвейер... Первое шасси.

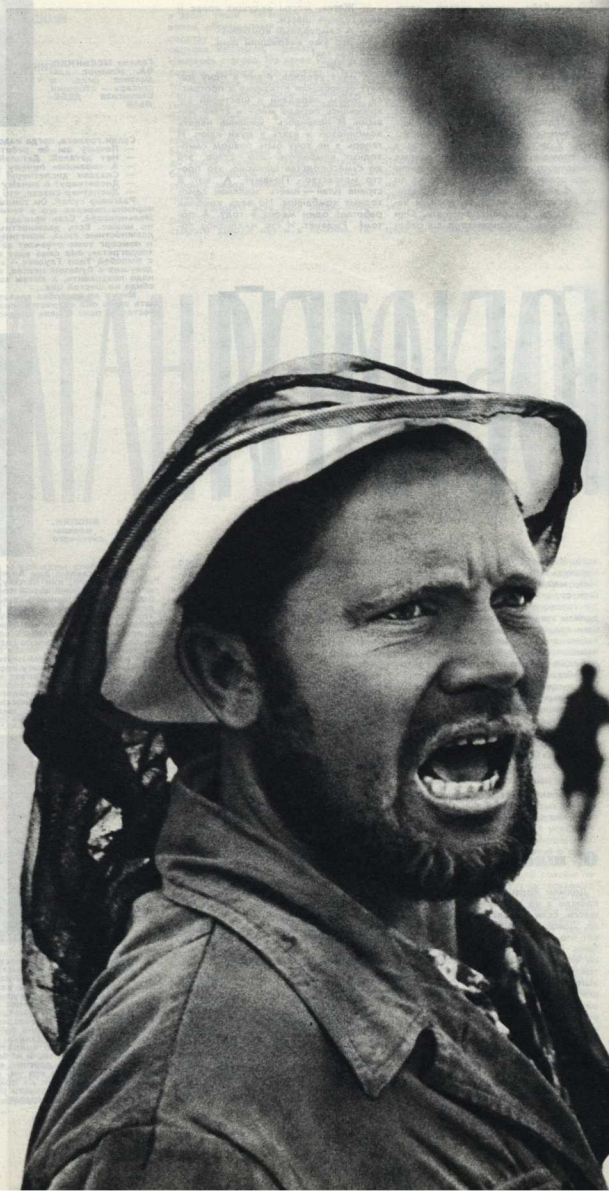
Курсы колхозников-механизаторов при заводе. На шасси ставят кузов... Это все было, хотя завод совсем не обязан рисовать и устраивать семинары для колхозников. Но жить можно, и по большому счету.

...А теперь наденьте вечерний костюм, только самый лучший, потому что соберется весь театральный Таганрог. Идите в заводской клуб. И не забудьте взять программку. Она выглядит так же, как та, которую вам дадут в столичном театре. Я взял несколько штук на память: такое на меня это произвело впечатление, — и сама программка, на которой написано: «Народный театр оперы и балета Дворца культуры Таганрогского комбайнового завода», — и там есть биография композитора, и краткое содержание оперы, и как она создавалась.

Думаю, вы сами понимаете, что и здесь нужен энтузиазм и, конечно, талант, труд, культура. Вы представляете, что значит поставить оперу или балет? Это надо петь, играть, чувствовать, понимать, рисовать, репетировать... Десять, двадцать, сто раз. И вот репертуар: «Русалка», «Фауст», «Сорочинская ярмарка», «Царская невеста», «Лявочки», «Евгений Онегин», «Чио-Чио-Сан», «Кармен», «Лебединое озеро», «Жизель»! И это серьезно, это очень серьезно. Это, если хотите, уже не самодеятельность, если под этим словом понимать приближенно к искусству. И костюмы были настоящими, и грим, и страсть, и любовь, и горе, которые неслись со сцены. Я не могу вам воспроизвести голоса певцов, но вот один штрих. Летом Пензенский театр оперы и балета, который был на гастролях в Таганроге, предложил дамам певцам народного театра перейти к ним на профессиональную сцену.

Я сказал об оперном театре, хотя во дворце ставят и драмы, и учатся рисовать, и писать стихи... Я выбрал оперный театр потому, что это очень сложно, потому, что это само по себе говорит о степени культуры, о том эстетическом воздействии, которое рабочие завода оказывают на город.

Итак, заводу пятьдесят лет. Стоит ли отмечать этот юбилей? Да. От артиллерийских снарядов до самоходного шассис. От трудя сарая, где передаточный ремень был последней новинкой техники, до огромных современных цехов. От душным землянок до высоких домов, которые образуют кварталы. От кабана, где можно было тхко убивать себя водкой, до своего оперного театра. Такие пятьдесят лет стоит отметить.

ДВЕСТИ ДНЕЙ ПОДВИГА

Это случилось на севере Тюменской области, в Тарно-Сале — одном из крупнейших газовых месторождений.

11 февраля прошлого года, в четыре часа утра, природа попыталась отомстить человеку за вторжение в недра земли. На первой разведочной скважине произошел внезапный выброс газа страшной силы. Фонтан воспламенился, и фонтан пламени достиг двухсот метров в высоту. 9 миллионов кубометров газа — столько, сколько необходимо в сутки такому городу, как Ленинград, — сгорали каждые двадцать четыре часа.

Двести суток люди вели схватку с разбушевавшейся стихией. Двести дней и ночей на Пурейской площади рвались в небо языки пламени и кипело озеро, возникшее на месте разрушенного устья скважины...

Газ вырвался на поверхность, словно смерч, и через некоторое время вспыхнул гигантским факелом. Через несколько часов небольшое устье скважины превратилось во все разрастающийся кратер, поглотивший буровую. Скоро на площади диаметром в шестьсот метров клочкотали мощные огненные буруны. Температура пламени была настолько высока, что даже за двести метров от этого «костра» на людях тлела одежда.

Возникновение «аварийного» фонтана объясняется тем, что мощный газовый пласт на глубине всего 700—

Этот рекорд летчиков нигде не зарегистрирован. Но вряд ли можно было перевести противопожарное оборудование быстрее...

За несколько часов родилось горящее озеро и, поглотив буровую, круша вековые деревья, заставило таежную реку изменить русло.

На берегу пламяющего озера стремительно выросла «пожарная» буровая.

Позади 200 дней борьбы с огнем. Теперь можно и отойти...

800 метров — большая редкость и неожиданность для геологов.

Чтобы заглушить газовый фонтан, необходимо было к месту аварии — на Пурпейскую площадку — доставить большое количество оборудования. В условиях северного бездорожья это могла сделать только авиация. Впервые из Салехерда в Тарко-Сале полетели транспортные гиганты «АН-12». Непосредственно к пылающему фонтану оборудование несли вертолеты «Ми-6». Две тысячи тонн груза — две буровые установки, трубы, станки — перевезли они всего за полтора месяца.

История газовой промышленности насчитывает единицы фонтанов подобной силы. Пурпейский — случай высшей категории трудности. Львовский ученый Решетников предложил эффективный план ликвидации фон-

тана. По наклонной скважине, пробуренной на непроницаемый пласт, лежащий выше газоносного, нужно нагнетать воду и глинистый раствор. В результате гидродорзрыва пласта фонтан должен заглушиться.

23 июля бригада одного из опытных буровых мастеров, Н. И. Григорьева, начала решительный штурм. По новой, искривленной скважине буровики закачали 35 тысяч кубометров воды и 400 кубометров раствора. По истечении шести месяцев восемнадцати дней фонтан сдался. На его месте сейчас большое озеро. Над медленно остывающей водой клубится пар. Работы на новом мощном Пурпейском месторождении, которое в ближайшее время окажет серьезное влияние на развитие газовой промышленности всей страны, вступили в будничное русло...

По просьбе редакции материал подготовлен съемочной группой Центрального телевидения в составе А. ФЕДОСЕЕВА и О. НАСВЕТНИКОВА.

Леонид МАРТИНОВ

Верви

В магазине
Хозяйственных изделий
Я подумал, что выставлены какие-то
произведения скульптуры.
Но на самом деле это были разных
сортос
Витые веревочные фигуры
С несомненными признаками носов
и ртов.

Некоторые напоминали
Лиц, связанных разными
обстоятельствами.
Некоторые, будто бы и не ввязав и
ничего не боясь,
Напоминали связанных данными
обстоятельствами.
Словом, вместе с праной тут была
и обратная связь.

Некоторые верви
Крепки, как нервы,
Либо арманы на шее врагам,
А потому и дают, наверно,
Как бы сам связать себя и по рукам
и ногам.

Некоторые связки веревочек
Напоминали плутовок,
Так запутавших все и такие кругом
завязав узелки,
Что нельзя без опаски предвидеть
развязки.

И поэтому
Многие веревочные мотки
напоминали сжатые кулаки.

И мерцали веревочные статуи
пенковые глазки
Так, как будто от трюма дымится в
зрачках огоньки.

Ночная тварь

Я —
Пламень фар,
И за меня летят
Ночные бабочки и мотыльки,
Не ведаю, чего они хотят.
Ночную тварь маню я колдовски.

Я
Даме мышь летучую подшиб,
Хоть не хочу, чтоб кто-нибудь погнб
Вот так бессмысленно из-за меня —
Стремительно летящего огня.

Но в воздухе такая суетня —
Ночная тварь,
Несется на фонарь.

Мы свободны

Мы
Свободны,
Хоть и не с рождения.
Но свободны были и в ноевале,
Приближая день освобождения.

Мы познали это наслаждение
Быть свободными, как ветер в поле,
Ветер в поле, хоть и полным пыли,
Потому, что мы ее вслублили.

Мы свободны,
Хоть еще и ныне
Есть у нас безводные пустыни,
Но и там уже земли не бесплодны,
Потому что стали мы свободны.

Мы свободны,
Ибо мы свободны
И ни в чем неждем мы на уступки.
И недаром всюду стали модны
Наших модниц меховые шубки.

Мы свободны!
Вот песцы, вот лисы,
Сани, бани, игры на бани...
Это наши славные актрисы
Раздвигают пламенные кулисы
Южных зорь и северных сияний!

Мы свободны!
Рушится прегорады.
Вы и нам в гости, мы вам очень
рады —
Вот они, церковные обряды,
И в музеи вход почти бесплатный,

И на высоте невероятной
Чувствуем себя мы превосходно.

Это потому, что мы свободны,
Наши чаши международны,
И ни в чем неждем мы на попятны!

Прспект Маркса

А кому не хочется промяться!
Молодые люди и девчонки
Вечерами дома не томятся,
И, естественно, они стремятся
Появиться на проспекте Маркса,
Поглядеть на пламенного старца
Да и на себя полюбоваться.

Но в аллеях, где фонтаны льются,
Где как будто не за что заплутаться,
Можно иногда и натолкнуться
На презренного охотнорядца.

Может быть, он вылез из театра
Или из какого кинокадра!
Нет! Без картуза и без поддевки.
Он на вас глядит не без издевки,
Пыжится Бобра его ондатра:

— С рядом вы покончили Охотный,
Да меня не сделали бесплотны!
Не желает с мыслью он расстаться,
Поднажимать тут, поторговаться
С тем, другим, поплясать, подрасть.
Мыслит он: авось, да может статься
Превратится вновь в Охотный ряд все.

Словом, очень трудно разобратся
И понять, откуда все берется,
Но во мраке можно напороться
Именно на этого уродца.

Это просто от фонарных чар все —
Светоному над проспектом Маркса
Чутьочку светлее разгорается,
И исчезнет тень охотнорядца.

Л и в е н ь

Когда
Неглинная
В сиятении
Разгулялся
Из подземных труб—
Я видел:
В пыльной
Серой
Пене
Происся
Крысы попутруп.

Но
По следам
Ничтожной
Твари,

Разбухший
Зад свой
Обнажи,
Из—
Под
Решеток
Канцелярий
Разворошенный
Всплыл
Архив.

И
Ливень
Отшумел
Мгновенно.

Стихий
Закончилась борьба,
И серая осела
Пена
Вокруг фонарного столба.
Блестят дворы,
Помойки чисты,
Уплыло дохлое
Зверье.
И вылезли
Канцеляристы
Сушить бумагу,
Как
Белье!

Туман

Туман
Весь снежный никель сгреб в карман,
И, отряцая крыши на домах,
Туман лежал в витринах, как роман
Невнятный, бог весть в скольких
томах.

И даже был аэропорт закрыт,
Но если б кто пробрался через спой
Безмолвья, именуемого мглой,
То понял бы, что солнце все же горит.
Пожалуй бы, он так определил —
Что солнце, погруженное в туман,
Сияет наслоением румян
Над мертвенностью цинковых белил.

Оно горит над серой пеленой,
Колдующей, чтоб тизне поля,
Хотя и пробужденные весной,
Покрылись бы бурьяном, беленой,
Султанам сплошного ковыля
И благостью пшеничной и ржаной
Не спавшая осенняя земля.

Вот был яков в тумане шар земной.

Он был таинм,
Но это был обман.
И все же, как бы ни был густ туман,
И как бы ни был зол его размах
И как бы он ужасно не разбух,
В иных домах, в хоромах, в теремах,
А дунет ветер, дунет ветер так,
Что разлетятся ключьями бумаг
Густой туман
Тяжелый,
Как грассебу!

Холодная война

Немая
Тишина.

— Больна,
Не принимаю...

Война!
Я понимаю:
Холодная война.

На фоне облаков

Мы
Сиделись
На фоне облаков.
В челноке, стоящем на вершине
Невысокого холма.

Вытащили, видно, в половецкие
Тот челнок, да там и позабыли.
И стоит он на горе, на ягоре,
С якорной цепью, уходящей
В глубь оврага, в травы и цветы.

В этом снимке столько красоты,
Что фотограф даже не сумеет
Проявить его.

И ветер веет

Над прекраснейшим из челноков.
Этом вот, в котором я и ты
Будем плыть на фоне облаков.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО С ПОЭТОМ

Татьяна
РЕБРОВА,
студентка
I курса
Московского
педагогического
института
имени Ленина

На грузовик, растерянная, саду,
Оставлю август маме, липам, саду.
Наполню рот улыбки, как водой.
Сто судеб бьются и кричат в мойной.

А ты не согласишься, заголови.
Расхристаный, неласканный, незрячий,
Ты из-за ямки на щеке горячей
Верни меня из утренней Руси.

Опять по дню, по дождю подали,
Но ты, живая, хоть раз не разреши
По тропам разбазаривать, по далам
И силу и тепло моей души.

Сто судеб пусть в моей судьбе недавней.
Тихонько покачнулись над крыльцом,
К лицу окна в ладонках темных ставней
Прилгнута мной обветренным лицом.

Я крепко завяжу узлы,
Найду огонь среди золы,
Совью ладонь с ладонью тугой,
И песни вновь во мне затужат.

Напрягшись, изогнусь по-женски,
И плечи слабые натру,
Как девочка, что ко двору
На коромыслах деревенских
Несет бидоны поутру.

И встав с березами на страже
И слив секунды в краткой часе,
На вкус и цвет познаю тишь,
Которая танцет в нас.

Она — конец и продолженье.
И, тропы новые суля,
Могучей силой притяжена
Лишь ей обязана земля.

MAME

За старым прудом
засыпает дореня,
Над самым прудом —
золотые дореня,
Я смыслова все для себя
открываю,
От раду цветных
до куска каравая,
Я снова произзвана
горем, как тоном.
Не верю я устьям,
я верю истокам.
А мама, пролазнув росой и
картошкой,
Молочную капельную
тает в окошке.

Дни беру, как монеты из кладя.
Как продумано все!
Как складно!
Если семь, значит, после —
восьмью,
А из августа ступишь в осень.
Человеческие потоки
Словно к лампам включенным
токм,

По дорогам и по мостам
Человеческие потоки
Утекают к своим местам.

Запевают колеса строго,
Все сиреневое у порога...
Только вярду среди ливней

пресных,
Поднимающих голоса,
Открывают прозрачно песни,
Открытые, как глаза!

И снова ночь и ветер дошлый,
А я все здесь, как луч в ладошке.
Мне здесь бы плакать и писать,
По-русски, с хохотом плясать,
И нежной стать, и голубой,
Совсем забыть про жесткость жести,
И замирать перед тобой
При ласковом коротком жесте.
Тепла бы сколько ни тепло,
Я на него имею право.
Стучит в оконное стекло
Дождей осенняя орава.

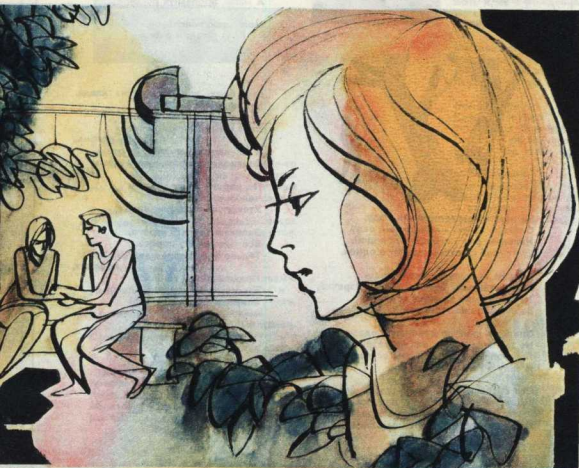
И руки танцуют к плечу,
И вновь желается сурово
Для каждого по метру крова,
По радости и по лучу.

Договаривают, дошывают,
Можут в дождиках и в росе.
До седины, до могил доживают,
До любви доживают не все,
Выживают в любви не все.

ДВА
ВПОЛНЕ
ФАНТАСТИЧЕСКИХ
РАССКАЗА

Римма КАЗАКОВА

Рисунки В. КАРАБУТА

ЭКСПЕРИМЕНТ

— Андреев Аркадий, рад познакомиться! К вам командирован для проведения экспериментов.

— Какого?— неторопливо, но настойчиво осведомилась Марьяна, здороваясь с новичком.

— Это, рука у вас командирская!.. Вот этого я вам сказать не могу.

— Мило, но непонятно.

Андреев улыбнулся обворожительно.

— Поверьте!

— Верю.

— Денег дадите?

— Нет.

Андреев расхохотался.

— Весело?

— Очень!

— Мне кажется, мы познакомились!..

— Говните?

— Могу угостить чаем.

Разменивая ложечкой сахар, Аркадий сказал задумчиво:

— Мне очень нравится ваш город. Жалко, что сразу после проведения эксперимента придется уехать.

Марьяна вежливо промолчала.

— Переоборудование института заканчивается через неделю. У меня, как видите, всего неделя!..

— Считать я умею.

— Денег дадите?

— Нет. И разрешения не дам.

— Сколько вам лет?

— Двадцать два. Лабораторией руковожу два года. Налить еще?

— Марьяна,— сказал он серьезно и просто.— Попробую быть открытым. Дело не в переоборудовании института. Я придумаю любопытнейшую вещь. Хочу сделать подарок шефу. Старик чертовски обурдаст! Мне!..

Марьяна резко выдвинула ящик стола, шлепнула на стол инструкции.

— Занятные книжечки. Читали?

Аркадий потускнел, покусывал.

— Попрошу простить меня. В седьмом отделе у ребят моя тема, походу потолокаюсь!..

— И вы извините за некоторую небезопасность. Я искренне сожалею.

У него был крепкий светлый затылок. Дверь бесшумно закрылась за ним.

Ночью Аркадий приснился Марьяне. Через весь сон— как тень от парохода по реке— его грустное полузнакомое лицо: серые с голубиной кожей, тугие губы, жестковатые светлые волосы, улыбка киногероя. Смерть его вроде бы даже не

было, а было только ощущение его и смутное раздражение от этого: он вызывал у Марьяны одновременно и симпатию и неприязнь. Ее здало его открытое желание расположить к себе ради неведомого ей эксперимента.

Сон колебался, дрожал водной рыбой, лицо Аркадия являлось ей то вытнутым, перекошенным, неприятным, то спокойным и сосредоточенным.

Придя в лабораторию, Марьяна первым делом вызвала Аркадия.

— Вчера я не очень хорошо поняла вас. В чем дело? Почему вы не хотите подать докладную? Может, это шутка? Такая маленькая шуточка для всеобщего удовольствия?

— Нет, я не шучу!

— Как? Да вы что в самом деле! А вы знаете, что вы мне предлагаете?

— Знаю.

— Что же вы хотите в таком случае?

— Чтобы вы нарушили инструкции.

— Послушайте, Андреев. Дело не в формальностях, поймите это. Я совсем не хочу, чтобы вы считали меня бессердечной бюрократкой. Переставьте морочить мне голову, вы же влюбленная барышня, а ученый. Вот вам форма, берите диктофон, сочиняйте. Обсудим.

— Ну да, а вечером Лингвист будет знать все до крошечной формулы! Благодаря пожелро.

— Интересно, откуда это он узнает?

— Не знаю! Через стены просочится. Мой шеф— гений. Ему хватит намека. Он отпустил меня порезвиться, поблудаться со сверстниками— вы же знаете, у нас в институте модные пикаписты— эдашники!..

— Аркадий, я эксперимента не разрешу. И точка!

— Вот я и надеялся сдвинуть точку, а оказывается, точка— такая крохотная чепуховинка— тяжелой надробной пилы.

— Не будем больше возвращаться к этому разговору. Мне нравится ваша привязанность к шефу, и вообще что-то в этом есть. Однако после катастрофы в Карае...

— Да, да... Ну что ж, пусть так.

— Как вам нравятся ребята из седьмого?

— Прекрасно. Навыки и таланты, как древнегреческие боги.

— Я улетаю до вечера,— сказала Марьяна, шагнув на круглую площадку подземника. — Желая вам хорошего дня.

А ночью ей опять приснился Аркадий. Они шли по лулу, поросшему ромашками. Аркадий шпидла цвекот и что-то приговаривал. «О чем это вы!» «Старинная читалка, баба научила». «Ну-ка, ну-ка...» «Любит — не любит, даюлет — поделает, к сердцу прижмет — к черту пошлет, своей называет...» «Очаровательно! Как это, как... любит — не любит? Конечно, лучше, чтобы не было, кто спорит! Но ведь мы все ходим по краю, мы вторгаемся в такое святое святых природу, что никаких гарантий нашей полной безопасности нет...»

Лицо его было милам, искренним, слово, немое во сне, не звучало, а входило в нее просто так, как входит солнце в кожу, и вместе с ним возжак приходило ощущение и непонятная радость. «А эти никакое сочувствие и непонятная радость. «А эти инструкции... Уже два века мы твердим, что человечество отвечает за каждого и каждый за человечество. В этом смысле нет различия между мной

НА ГОЛУБОМ ПРОСПЕКТЕ

Фото С. ПЕТРУХИНА

Хунгары стоят на Амуре, как на широком голубом проспекте. В Хунгарях домов семьдесят, не меньше. Они, что горюх с ладони, рассыпались с холмов в долину. Семьдесят изб, срубленных из лапу, по-русски, и в каждой — электрический свет, радио...

Для приезжего человека в диковинку другое: деревянные идолы, истошные крики петухов, заливаемых в честь «поворотелей», погромыживание шаманского бубна... Перехитки язычества.

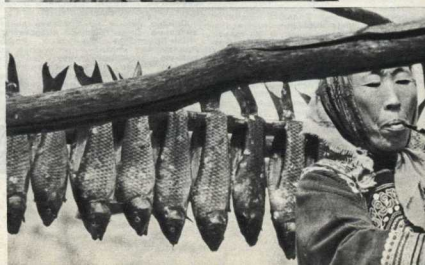
В Хунгарях живут нанайцы. Маленькая, едва не вымершая в прежние, диние времена народность. «Нах — земля, «най» — человек. «Найнайца» — люди земли. Перевод точен. А все же вернее сказать: люди Амура, лучшие его знатоки, истонные рыбаки.

Густеют сумерки над Амуром. К тихому берегу сдвигаются, постукивая моторами, остроносые лодки. Тенется лодка носом в ослизлый ракушечник, выдут рыбаки на берег, упрутся торбасами в гальку — тянут сети. И слышно, как стучатся невода грузилами о камни — бряк, бряк...

Вытащена набитая сигаами и сазанами мотня. Раскурят рыбаки коронные фарфоровые трубки. Потянется на закате уставшая бригада и огонькам Хунгарей, мимо идолов, к дому с ветвистой антенной. И стыдливо присниваются в круг рыбаков, носится на голубой зорной угрюмой обездоленный шаман.

В Хунгарях домов семьдесят, не больше. В каждом электрический свет, радио. Есть и деревянные идолы и шаманский бубен... Для упрямых стариков, для приезжих любителей экзотики.

А. ПЕТРОВ

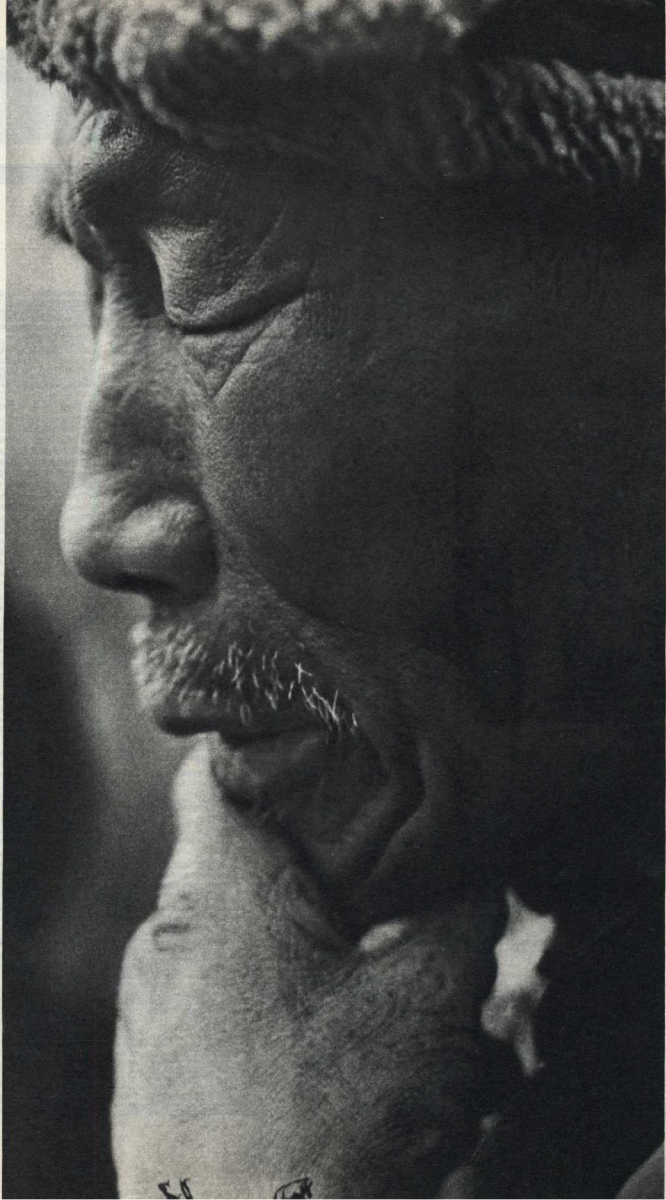

Лов окончен, лодки — на берег.

Тяжелы невода на Амуре.

*Старейшина
начайских
рыбаков
Никита
Лукиянович Самар.*

*Влекая
рыба —
гордость
начайских
хозяек.*

Молодой прозаик Леонид Жуховский предложил редакцию статью «Взрослые дети армян». Статья оказалась интересной, довольно задиристой и в некоторых своих положениях весьма спорной. Мы решили ознакомиться с этой критикой Льва Анцынского и Ларсу Кряко. Критики охотно откликнулись, и теперь мы предлагаем вниманию наших читателей три выступления.

Л. ЖУХОВЦКИЙ

О ТРИДЦАТИЛЕТНИХ, ТРИДЦАТИДВУХЛЕТНИХ, ТРИДЦАТИШЕСТИ-ЛЕТНИХ МОЛОДЫХ. О ПИСАТЕЛЯХ, ЧЕЙ ВОЗРАСТ ЛЕЖИТ МЕЖДУ ЛЕРМОНТОВСКИМ И ПУШКИНСКИМ.

Позвольте, но какие же они молодцы!!

Этот вопрос возник не у меня, а его просто повторю. Примерно два года назад Г. Радов уже выступил с предложением «размолодить» Рождественского, Евтушенко, Казакова и их ровесников. Увы, эта здравая мысль не была воплощена в жизнь.

А может, не уметь? Может, эсть в этом как-то закономерность? Может, закономерны и то, что, говоря о современных молодых писателях, мы без устали повторяем имена все тех же Р. Рождественского, Е. Евтушенко, Ю. Казакова, В. Аксенова, А. Ахмадулиной, А. Куницыной, В. Цыбина, А. Вознесенского, Г. Владимова и еще десятка имен? Пресловутая обнова всем надежда, ее трагуст, как групу осенью, говорит, что «молодая литература куда богаче, чем дора бы перестать повторять одни и те же имена» — и повторяют... Казавазы бы, проше простого всю обуюку разом перенести в среднее поколение, а молодым на освобожденных места назначить Кашежву, Заурита и для комплекта кого-нибудь из прозаиков. Просто, а не получатель?

Вроде бы критиканм легче легкого развбить проклятую обуюку новыми именами, а то и вовсе заменить. Легко, а не выхолдит: мешает читатель, который со странным упрямством спорит об одних и тех же книгах одних и тех же писателей. Да и сами критики, торопясь помянуть два-три новых имени, с явным наслаждением возвращаются к своим излюбленным литературным мишениям.

Давайте не будем сетовать на незможность обуюмы молодых писателей. Давайте не будем хвлять на их просроченный возраст. Давайте попробем развбраться во всем этом, найти хотя бы некоторые черты и особенности, дающие именно этим литераторам право или, если хочить, возможность именываться молодыми современными писателями.

Можно начать с Роберта Рождественского не потому, что он лучше или хуже других, а потому, что его творческая биография кажется мне очень характерной. Почти все жизненное, да и литературное плавание, задававшие меня и моих ровесников, так или иначе задевали и его.

Обособленно говорить о тех или иных стихах Рождественского просто невозможно. Дело в том, что поэт не просто человек, написавший такие-то и такие-то стихи. Прежде всего это личность, ведущая с читателем непрерывный разговор от первой опубликованной строки до последней строки — во всякой опусерстной, строф. Творчество поэта — как бы единый монолог, и каждое новое стихотворение — новая фраза в этом монологе. По-

этому принципиальность органически входит в понятие «поэт», флюгеру вряд ли можно рассчитывать на уважение читателей.

Истатя, мне кажется, что все чаще «единства личности» — наш время требует не только от поэта-лирика, но и от прозаика, драматурга, критика и даже от актера, чей прямой обязанностью является перевоплощаться. Во всяком случае, наибольшее влияние на зрителя имеют те актеры, которые и перевоплощаются, а остаются собой. Разумеется, имея в виду не прилепую титани, а личность актера.

Я думаю, что Алексей Баталова любит не только за его высокое мастерство, но и за принципиальность его гражданской позиции. Вспомним показательную интересную работу Баталова пострашанном фильме «День счастья» или в фильме «Свет далекой звезды» в роли секретаря горкома.

Доктор Березин Алексея Баталова словно клятва в верности современнику. Вероятно, иоганн-буду будут врачи и получат. Но насто с вами лежит Березин. И актер не отворачивается от него даже ради самого выпоженного идеала. Думаю, что это и есть подлинный патриотизм. Вера, родина не только земля, на которой мы живем, но и время, в котором мы живем, и люди, рядом с которыми мы живем, то есть наши современники...

Роберт Рождественский — мой товарищ, я знаю, как писалось, печаталось, уходило и читателю, принималось (или не принималось) большинство стихотворений. И я попробую развбраться в том, что называется обычно «творческой биографией».

Такая творческая биография — это не биография поэта и не его стихи. Это биография его стиха. Биография, которой существует только для современников — для потомков, это, в общем, полна.

Пушкин, Лермонтов, Маяковский приходят и нам сразу классиками. То есть мы, конечно, знаем об их успехах и неудачах, но то же время знаем, что это ошипы и неудачи классиков.

А вот творческая биография Леонида Мартынова, например, для огромного большинства читателей началась в середине пятидесятых годов, хотя большая часть его «Среднего века» писалась гораздо раньше, чем была напечатана.

Творческая биография поэта складывается крайне интересно. Отчасти, мне кажется, так произошло с Боржом Случиным, чьи стихи десятилетиями не публиковались, пока в конце недавне и были восприняты многими как повторение известного, подражание поэтам, которые нам раз и подавали Случиному.

Для стихотворения важно не только, чтобы оно было написано хорошо и написано вовремя, а именно, чтобы оно вовремя пришло и читателю. Боясь, что и своевременность публикации входит в понятие «стиль», прозаики существуют устойчивое мнение, что всякая хорошая вещь хороша сама по себе, вне зависимости от таких преобладающих факторов, как время написания и напечатания или как восприятие читателем, что время обязательно все ставит на место. Но время — верный помощник на безграничной вере в Провидение (разу-

меется, с большой буквы), увы, не всегда находит подтверждение в жизни. Можно опасаться, что даже Бунин, будь он впервые напечатан сегодня, был бы воспринят как даровитый, хотя и чересчур податливый ученик Юрия Назанова и Георгия Семенова.

Да что там литературал Даме Колумбе, «открытия» Америку спустя несколько веков после норвежских мореплавателей, стал популярнейшим личностью Истории лишь потому, что его менее удачливые предшественники не сумели широко оповестить мир о своем великом открытии.

Роберт Рождественский — человек с удачной творческой биографией. Почти все его стихи, во время написанные, были и напечатаны вовремя. Он стал широко известен среди молодежи и даже любим с первой своей небольшой поэмой «О времени прописанных». Написав эту поэму, вроде бы всего-навсего разоблачающую стилист, двадцатилетний поэт, естественно, понес ее в «Крокодил». Этот сатирический журнал в те годы уделял столько внимания узким брзам и широким подзамам, что мог бы по совместительству служить журналом мод. Однако в «Крокодиле» поэму не взяли: в рамки собственной сатиры она не укладывалась. Тогда Рождественский отнес поэму в «Огонек», где ее, подала и приняла, поместили на последней странице, тем самым все-таки уловив в качестве сатиры. Шутка ли — в двадцать лет прослыть сатириком! Рождественский стал писать лирику. Выслушав похвалы за сатиру и демонстративно писав лирику, поэт успел, однако, бывали не слишком удачны. Но поэт широко доказывал себе и окружающим, что он не сатирик, а лирик, именно лирик. Странно, но тогда ни сам Рождественский, ни читатели, ни редакторы, принимавшие или отвергавшие его стихи, не понимали, что в литературу входил не сатирик и не лирик и даже не сатирик плюс лирик — в литературу входил силный гражданский поэт.

Большая поэма «Моя любовь» и последующие стихи сразу и очень точно определили творческое лицо Рождественского. С тех пор времени прошло немало, в чем-то поэт, конечно, изменился, но основные черты остались теми же. Рождественский — поэт громкого голоса. Это не похваля и не упрям, а просто констатация фактов, настоящих, свою точку зрения высказывает прямо и недвусмысленно. Правда, иногда он бывает и тихим, но тогда он не совсем Рождественский. Естественно, что поэт не раз бывал в риторикуности и глупости. И лично от этих упреков защищать поэта не собираюсь. Да, громко. Да, навязчив. Ну и что? Мы безропотно живем в окружении слеротических литературных гном, оди из которых гланят, что риторика — плохо. А вот почему плохо — не пытайтесь понять. А надо бы наконец объяснить, почему плохо «Памятник» Пушкина, лермонтовское «На смерть поэта». «Во всеь голос» Маяковского. Или, может, все проше? Плохая риторика плохо, а хорошая — наоборот?

Рождественский, например, проше не может писать в полную силу, когда не убежден полностью в своей правоте. А будучи сам в чем-то убежден, не может проше и настойчиво не убеждать других. Он не мастер полутонов, он мастер резкого, сильного тона. (Разумеется, убежден, настаиваю в поэзии — это еще не все. Можно быть убежденным, но не убеждающим — тому пример некоторые стихи самого Рождественского.)

Рождественский, на мой взгляд, не умеет

быть и мелким. Он или глубоко, или вообще не поет. В «Моей любви» поема ушла в глубины, и большой социальный конфликт разорвал любовную историю, как порох болванку. А «Ревность» пошла по поверхности, на трех страницах повторил известную фразу «ревную — значит, любишь». И не только в том дело, что Рождественский способен на большее и что стрельба из пушки по воробьям экономически нерациональна — она еща и не точна: для столь деликатной работы требуется по меньшей мере рота...

Рождественский — поэт очень современнейший. Многие его стихи читатель буквально хватал на лету, как ответ на только что возникший, порой только что зарождающийся вопрос. И это не «газетные» стихи, хотя некоторые из них, например, «Стихи о моем имени», печатались в газете.

Говоря о Рождественском, нельзя, просто невозможно обойти еще один вопрос, еще одну особенность. Дело в том, что Рождественский — поэт модный.

Ну ладно, мода. А что это такое? И виноват ли в ней сам поэт? И хорошо это или плохо? Или никак? И почему мода, а не слава и не всеобщее признание?

Жаль, что о моде у нас принято говорить только пренебрежительно, — ведь желания читателя точнее всего выражает именно она. Конечно, высказывая на читательских конференциях такие вопросы. Интересны и подборки читательских писем в газетах — порой они очень ясно выражают точку зрения сотрудника, готовившего их к печати. Знаю мода — вещь в этом смысле почти бесконечная. Человек, за кровной своей полтинник покупающий книжку в киоске, высказывает свое отношение к литературе совершенно определенно. Ругать моду, разумеется, можно — почему бы и не ответить душой! Но, честно говоря, гораздо важнее ее изучать.

А ругают моду часто. Ругают и простошудно, как неустойчивую погоду, и научно обоснованно — особенно литераторы, чьи пылы и эпопеи, по убеждению авторов, неподготовленное человечество сумеет осилить лишь в будущем, после многолетней тренировки. Как опытные женщины, эти литераторы, минувя современников, обращаются сразу в высшую инстанцию — к потомкам. В принципе право как угодно писать, для кого он хочет — даже специально для правнуков. К сожалению, просители, толпящиеся в приемной у Вечности, удивительно беспоследовательны: обращаясь непосредственно к потомкам, они в большинстве случаев настолько и следовательно требуют признания у современников...

Вспомним громкого и жалкого героя моды — Северянина. Того самого, который «повсегрядно обьявлял» и «повсеребрдно утварял». Который, хотя и «иногда» и «единственный», тем не менее собирал всеи войска на Берлин. Что осталось от него в истории литературы? Два десятка почти пародийных строчек, несколько анекдотов — и все! Да нет, пожалуй, не все.

Северянин, модный поэт, блистал на страдах, читал наперас свои «поэмы». Потресал курносик, скандално и жалобно перебривая в плохих стихах живнее белье своих павсий. Но где-то в стороне уже стояли, внимательно приглядываясь к нему, высушенный хмурым гниязист и складный, на редкость умыый разван-

ский пареня, предпочитавший до поры до времени считаться наивным долбоудляным подлащном...

Сейчас нам кажется забавной и трогательной та страстность, с которой молодой Маяковский стремился немедленно поехать у Северянина азнание самого модного поэта эпохи. Разумеется, у него ничего не вышло. Как всякий гений, в этом житейском вопросе он был заранее обречен на неудачу. Дело в том, что великому писателю просто не под силу малые задачи. Он не способен бесконечно выдвигать из живого потока жизни символическую карманную проблему. Ухватившись за нитку, он просто выжудит тащить на страничку своих книг весь колоссальный клубок житейских проблем и противоречий. И если Северянин быстро и элегантно вынул репутацию новатора на десятка неологизмов и составных рифмы, то Маяковский еще неудачному сопернику, пришлось в конце концов сделать систему русского классического стихосложения частым случаем своей поэтики. И если Северянин умело выволакивал неустойчивые сердца, придавая стихам высказываний интим, то Есенин к тридцати годам до конца выполнял свое колоссальное обещание: «Всю душу выплескал в слова». Все, ничего не оставил для жизни...

Но короткая мода на Северянина «предсказала» необходимость Маяковского и Есенина. Материал на стороне у Северянина в модой — дело безнадёжное и опасное. Так некогда потерять в себе себя: человек, ежедневно меняющий прическу, скоро станет лысым. Но приглядываясь к моде поэта, хотя бы в поисках прогнуса на будущее. Так, мода на студенческие «налустики» предсказала появление и широчайшее распространение так называемой «молодежной повести». Мода на городской романсе еще десять лет назад могла бы предупредить нас о закономерности появления песен Булата Окуджавы и Новеллы Матвеевой.

Разумеется, большой писатель всегда глубже моды. Но это еще не повод относиться к ней пренебрежительно и тем более гордиться равнодушие читателей, как признаком ленинкого, а не временного искусства. Да, Северянин был моден, а Влок, Маяковский и Есенин неизмеримо глубже любой моды. Но ведь сотни поэтов, живших одновременно с ними, начисто смыты вольей времени, потому что они были малые моды — возможно и такой вариант...

Итак, мода. Постоянная, вот уже десять лет, мода на Рождественского меня глубоко радует.

Итак, мода. Постоянная, вот уже десять лет, мода на Рождественского — это мода на гражданственность поэзии. Причем на гражданственность подлинную, борющуюся. А это ведь есть и такие «поэты-гражданины», которые истово клянутся в любви к родной стране, не уточняя, какую они хотят ее видеть, клянутся бороться, благоуражно не указывая, за что именно. Гражданская поэзия Рождественского современно ясна. «Утро», «Стихи о моем имени», «Нелетняя погода», «Письмо в тридцатый век» не оставляют места ни для какой даусмысленности.

Мода на Рождественского — это мода на цельность. С первых своих опубликованных строк он ни разу не изменял себе, ни из каких соблазнений «не менял прическу». Конечно, поэт не всегда бавал Маяковский — порой писал только Но Северяниним он не был никогда.

Мода на Рождественского — это мода на

силную нерадельную любовь. В наш экспериментальный век не многие лирики рискуют писать о верности. А Рождественский пишет о верности не из страха, не из долга, не из приличия, а из любви. Мне нравится не все стихи поэта на эту тему. Но мода на них нравилась!

...Есть примелькавшаяся формула: поэт талантлив, но пишет неровно. О ком из молодых так не говорили! Но почему, собственно? Почему неровно? Почему талантливый человек не может постоянно писать талантливо?

Речь идет, разумеется, не об отдельных срывах, а о целых периодах.

Вот и у Рождественского был такой период. Мне кажется, в основе подобных срывов лежит одна закономерность. И дело здесь в той азучной истине, что поэт переживает свое лично. Конечно, он должен уметь вырывать себя, но это возможно лишь в том случае, когда есть, что вырывать.

«Вышла в жизнь романтики, ум у книг заливние, кроме математики, сложностей не знавшие...» — написал молодой поэт Рождественский фразу, словно созданную для шпигфров. И сам он тогда не знал о сложности. Трудности знал, но это — дело другое. Хорошо, когда рядом друг. Трудно — когда враг. А если не друг и не враг? Не черное, но и не белое? В таком мире Рождественский — еще не ориентирован. А потом наступило неизбежное: поэт рассказал все, что знал и о себе и о мире. В обиход, случай естественный — с кем из поэтов-лириков не бывало! Даже Лермонтов к концу жизни все истинней начал, как у нас принято выражаться, «перешел на прозу». Даже величайший из великих — Пушкин признавался: «Года шалууну-рифму гонят, года к суровой прозе кланят». Годы! Почему же вернулись к поэзии постарейший Фет? И как объяснить удивительно вспыхну лирика Лютковского, чье сердце разорвалось не на калете, а в высшей точке творческого лута?

Нет, видимо, не годы гонят рифму и не годы зовут ее обратно. Просто, вычерпав себя без остатка, поэт замолкает, и те годы для того, чтобы набраться новых впечатлений — это было бы совсем несложно, — а для того, чтобы дать созреть в себе новому восприятию мира, новому пониманию мира, словом, новой личности. Тогда-то и получается подлинное «второе рождение».

Впрочем, часто такого обновления личности не происходит. Тогда на сцене бойки появляются так называемые «зрелые, отмеченные печатью мастера», но больше, ум, ничем не отмеченные произведения, о которых, кроме дифирамбов, и сказать нечего...

Между прочим, подобные неглые периоды переживают и прозаики, и драматурги, и критики, и даже целые поколения — театры.

Пьеса «В день свадьбы» популярного драматурга Розова написана, как всегда, мастерски и, как всегда, мастерски поставлена. «Современником». Но вот что странно: современная пьеса, поставленная «Современником» и критикой и зрителем воспринята так тепло, благожелательно и сипно, будто это произведение отдаленного классика, дота истолкованное школьными учителями и в том же бесспорно толковании препровожденное на сцену в ознаменование соответствующего юбилея.

Мне кажется, все объясняется просто. Драматург и театр на нынешнем уровне творчества донельзя затруто, что меняется по любви гораздо труднее, чем по долгу. А с этим случается так часто: возвращать, что сама тема не давала иной возможности, как только высочайшей компетентности переписать произведение дураком, что это не так. В пьесе — обычный «тре

— Что ж, придется вас устроить в одном урюмом месте. Там сейчас кругом пусто и все залочено.
Помогаю, он сказал:
— Хочу, кстати, поинтересоваться. Дело, как говорится, прошлое. Но каким образом вы тогда устроили со мной эту... аферу, что ли? Довольно ловко, кстати сказать.
Антонов усмехнулся:
— Это, дорогой, секрет фирмы. И случай, конечно.

— Вы знали моего сотрудника Моткова?
— Нет, я его не знал, — покачал головой Антонов, но больше ничего не счит нужным пояснить. Да и зачем было рассказывать Павлу Ивановичу о той случайной цепочке, которая привела к нему, о том, что Мотков жил в одном доме с Василью Резаным и кое-что однажды сблелнул ему, а Василья передал Носову, и тот уже и слову какого-то упомянутого об этом в разговоре с ним, Антоновым, а вернее, не Антоновым — эта фамилия была придумана специально для Павла Ивановича. Словом, все это рассказывать не стоило, даже не следовало. Главное сейчас было в другом.
Они быстро договорились. Напоследок Антонов, хитро подмигнув, сказал:
— А потом мы с вами проверим одно выгодное дело. Такое вам еще не силосно, дорогой.

Олег Полуянов пришел к Лосеву через час после того, как Виталий отправил ему повестку. Было ясно, что Полуянов пришел сам: это было ясно и по его виду, решительному и сосредоточенному, без тени обычной рисовки.

— Все, — сказал он. — Самайте. Отсюда я не уйду.
Виталий посмотрел на него с открытым презрением.
— За что же вас самать, Полуянов?
— Вы думаете, я только пинюнок и спелункуит Я еще, между прочим, человек!
— Вы еще трус и предатель.
— Верно! — запальчиво воскликнул Полуянов. — Но все-таки я еще и человек Самайте! Именно за предательство! Василья на моей черной совести. Его смерть, я хочу сказать, — Он вдруг скривился, и глаза наполнились слезами. — И ничего не вернешь назад, это тот случай.

Виталий посмотрел на него с интересом. Нет, парень не притворялся.
— Я был сегодня у Веры Григорьевны, — тихо сказал Полуянов. — Я ей все рассказал. Поверьте мне, это было нелепо.
— Неужели она вас...
— Она меня прогнала. Она так плакала, что... Я, конечно, поддел и ценник. Но... выдержал. Даю

И вот они, Слон и Сердюк, встретились в маленькой пулутемной комнате за шатким столиком.

слово. Горе есть горе. И мать есть мать. Вам моя мысль понятна?
— Насчет горя — да. А вот насчет того, чтобы самать вас...

— Помогаю! Поехно. Вы говорите «предатель», Нечетко. Есть статья, соучастник в... — голос его дрогнул. — убийстве. Ганьши я не знал, что такое совесть. Не знал! А теперь... Василья перед глазами стоит, как живой. Смеется, ругается, что на лунатика сейчас похож. Я... Я, если хотите, себя не узнаю. Ни в черта не верю! А в совесть поверил. Есть! Я думаю, сам... Утром сегодня залез на подоконник, окно открыл. Шестой этаж. Внизу люди, машинки бегут. Глаза зажмурил, шагнул на край, считая до пяти... Не смог! Инстинкт пропал! И А раз так, самайте. Я себя так изведу!.. Я не хочу жить, понятно вам?

Полуянов говорил захлебываясь, с надрытом, вытаракой рункой слезы. И чувствовалось, как череп полонет, давит его незданное чувство — совесть.

И Виталий поверил. Не мог не поверить. И со своей стороны ему горячностью откликнулся на этот взрыв человеческих чувств:

— Да бросьте вы, Полуянов! Жить все равно придется. И вину свою искупить тоже придется.
— Жить должен тот, — убежденно, как нечто вдруг твердо решенное, сказал Полуянов, — кто может свою вину искупить. Хотя чем-нибудь. А мне искупать нечем. Василья нет и не будет. Вам эта мысль понятна? Не будет его, никогда не будет! Виталий и этого забыл о своей еще недавней ненависти и этому ларно. Он так ясно вдруг представил себе, как Олег стоит на подоконнике и считает про себя, и на секунду даже пережил этот ужас, который не позволял тому сделать шаг вперед. Виталий искал и не находил слов, которые надо сейчас, немедленно сказать, чтобы Полуянов перестал бессмысленно терзать себя.

В этот момент в комнату вошел Отгаланко. Вернее, он зашел чуть раньше, но Виталий только что заметил его.

Игорь с непроницаемым, как у Цветкова, лицом постоял минуту у двери, потом не спеша, деловито подошел к столу и сел напротив Полуянова. Он, видимо, узнал характер пророскошского разговора и сматение, в котором находился сейчас его друг.

— Вот что, Олег, — сухо сказал он, однако называя Полуянова по имени и тем давая почувствовать ту крупную доверию, которую в этот момент питал к нему. — Вот что. Надо нам помочь. Сможем!

Полуянов горько махнул рукой.
— Я, знаете ли, даже себе помочь не смог. Дух не хватало. Там что чего уж там...
— Ты эти нервы свои оставь, — резко ответил Отгаланко. — Захочешь, так сможем!.. И Василья раньше времени не хорони. Жив он пока. И врачи обещают будет жить. Вот от его спас. — И Отгаланко кивнул на Виталия.

Полуянов ошалевшими глазами посмотрел на Игоря.

— Миня, говорител...
— Имяно.
— Тогда... тогда я что хотите сделаю! Тогда я... Ну, то-то. А теперь, Олег, вслушай. — Отгаланко говорил напористо и веско. — Позавчера в ресторане ты передал одному человеку записку. Так!

Итак уж получилось, что неожиданно для самого себя я сыграл в матче регбистов за команду московского «Спартака» против сборной Одессы. Сразу же оговорюсь, что мое неумение никак не отразилось на результате. Москвичи были значительно сильнее: для Одессы регби пока еще новинка. Этот матч стал для меня чем-то вроде прекрасного сна, который навсегда останется в памяти. И вот теперь, набравшись духу, хочу рассказать о регби на правах участника. И если читатель по душе окажется «тайной» этой мудрой атлетической игры и им самим захочется стать регбистами, автор будет считать свою задачу выполненной.

С чего все началось? С разговоров в пивнати, на стадионных трибунах о том, что регби — спорт жестокий. Дескать, в его основе — грубая сила и как следствие варварства — увечья или в лучшем случае синяки и кровоподтеки. Вот я и решился на столь рискованный эксперимент, чтобы своими ребрами проверить достоверность этих слухов. Том более, что еще в 1957 году во время III дружеских международных игр молодежи и студентов я смотрел матч сборной команд Румынии и Уэльса и слышал, как переговаривались между собой бывшие советские регбисты, заслуженные мастера спорта С. Спандарьян и К. Травин: «А ведь мы бы им не уступили. Эй-богу, мы играли не хуже». По разным причинам к концу 40-х годов регби ушло с наших спор-

тивных арен. В 1959 году оно возродилось, но до сих пор ему приходится нелегко: не решены многие организационные вопросы, не проводятся чемпионаты СССР.

Итак, матч. Я играю «девятку», так называемого хава. Моя задача — поддерживать связь между линией схватки и трехчетвертными, которые выполняют функции полузащитников и крайних нападающих в футболе. Более популярно мое амплу можно объяснить словами из известной оперы: «Эй, Фигаро! Я здесь, Эй, Фигаро! Я там. Фигаро здесь, Фигаро там, Фигаро вверх, Фигаро вниз (да, да, и это было)... Фигаро, Фигаро, Фигаро...»

Я не буду описывать перипетии матча «Спартак»-сборная Одессы. Рассказю о регби на примере абстрактного матча красных против белослых, в котором я играю за красных.

Прошла всего половина первого тайма, а я совершенно измотан. Давно мне не приходилось так много бегать. Специалисты подсчитали, что каждый футболист владеет мячом лишь 3 минуты из 90. В регби же, несмотря на обилие участников — 15:15 — игрок владеет мячом в два раза больше времени. Следовательно, на его долю приходится более высокая нагрузка. И даже частые свистки, прерывающие ход матча, не дают возможности передохнуть, как это может показаться с трибуны. Свисток пресекает лишь ритм, темп атаки.

Схватка — наиболее характерная для регби ситуация, которой нет ни в одной спортивной игре. Она назна-

чается вместо спорного в футболе или баскетболе. Вбрасывать мяч мне. И вот они стоят, два «враждующих» лагеря. Пригнули головы, крепко обхватили друг друга руками. Одна искра — и два зарядя весом в полтонны (а может быть, и больше) каждый столкнутся, чтобы захватить чужой «ключок земли, на котором незванно покинута виновник предстоящего взрыва — мяч в виде овальной кожаной дыни.

Перенесемся на трибуны. Там стоит смех. Большинство зрителей недоуменно тычут пальцами в направлении сгрудившихся игроков. Они не понимают, для чего все это, и не могут сказать, кто же одолеет. Зрители лишь подзаглядывают игрокам, судорожно перебирающих ногами, толкающихся, порою срывающихся в нетерпении на фальстарт до броса мяча. Но я-то теперь знаю, кто победит и что последует за выигранным мячом. Не случайно по диагонали от участников схватки стоят еще три-четыре игрока. Это верев, пока еще не расплазнувшийся. А победит та группа, чья масса окажется больше. В принципе это похоже на известное составление моряков в перетягивании каната. Только в схватке силы партий направлены не в стороны, чтобы перетянуть противника, а в одну точку, в середину схватки, точнее — на первый номер (центр) соперника, чтобы отсечь его. Многое зависит и от первого номера. Он вовремя должен заметить брошенный мяч и начать активные действия. Вот и предствяте, какими сильными должны быть этот игрок, чтобы выдержать давление в не-

сколько сот килограммов как со своей стороны, так и со стороны противника...

Бросая мяч — «Фогал!» — кричат, напирая на соперника, красные.

— «Хогал!» — не менее дружно вторят белосытые, вынужденные медленно поддаться назад: масса красных тяжелее.

Эти подбадривающие «индейские» кличи, очевидно, в переводе с регбийного языка на общедоступный означают: «Эй, ухнем!» Еще разик, эх, еще раз!» Мяч снова попадает ко мне. Что делать? Давать пас вперед нельзя: правила этого не допускают. В верю! Он уже готов распусться: мяч от меня пойдет к моему соседу, от того к третьему! Но пока я там, глядясь, удастся прощаль! Но пока я раздумывал, на какой верев — на правый или на левый — передать мяч, ребята оказались разобранными — прессинг.

Была не была! Решаюсь бежать вперед, а там видно будет. Кожаная «дыня» прижата к груди. Я вытягиваю для страховки левую руку и мчусь вперед. Долго еще бежать? Чувствую, как меня схватили за ноги и потянули вниз. «Дыня» все еще у меня в руках. Ее я ни за что не отдам. Меня «принимает в объятия» несколько дюжих молодых. Я на земле.

Перенесемся на трибуны в эту «печальную» для меня минуту.

— За ноги хватают! А если он носом в землю!

— Я ж говорю: хамство!..

— Грубость, а не игра. Вспомните, как смело, резко, эле-

Я ИГРАЮ РЕГБИ

Ф. МАЛКИН

гантно расправляются хоккейные защитники с наседающим противником. На полном ходу игрок летит на лед. Я никогда не играл в хоккей и потому не знаю, больно или нет пострадавшему. Но вот мне, привлеченному к травяному футбольному полю, больно не было: падение амортизировали повисшие на мне игроки. Мне всего лишь показалось, что в этот момент десять регулярных «элегантно» отнимают у меня шайбу.

В чем суть подобных силовых приемов — захватов за ноги, туловища, шеи? Регби — игра коллективная. Смысл ее в скорейшей передаче мяча друг другу. Не отдашь мяч, надеешься на собственные силы? Что ж,

Схватка! Сила вышла на силу. Сейчас под ноги игрокам вбросит мяч, и тогда две наэлектризованные массы придут в движение. (Верхний снимок.)

Прорыв спартаковца (он в белом) не удался. Динамовец в самоотверженной броске задержал противника. А мяч? Если второй спартаковец не успеет подхватить его, то вновь будет назначена схватка.

Динамовец, ловко переведя мяч из одной руки в другую и сделав на ходу обманное движение, ушел от наступившего его соперника. Развивается атака синих.

Фото Л. ЗИНКЕВИЧА и Б. САЙКИНА

испытываю! А что касается действительной грубости, то тут правила более жесткие, чем в футболе. За подножку в футболке наказываться называется штрафным, в регби виновник удаляется с поля незамедлительно, а команда пострадавших получает право на штрафной.

Итак, в подпитании. Припечатаваю мяч к земле. Санток судьи. Снова назначается схватка...

Таково европейское регби. В США правила регби несколько иные, да и название другое — американский футбол. В нем — тот же мяч. Судья определяет сторону, которая должна разогнать мяч за определенное время. Если оно закончилось, а игроки не сумели пройти определенный этап поля или занести мяч за линию востор, мяч передается для розыгрыша соперникам. Также отступление от «интеллигентного» европейского регби и придает игре особую остроту. К тому же меньшее число участников — 11:11 — увеличивает динамичность игры.

Схватку на сей раз выиграли полосатые. Их «квартет» быстро передал мяч партнеру, тот соседу, а последний, не задумываясь, с руки, как вратарь, сильно и далеко отправил мяч в аут — неподалеку от нашей линейной линии.

— И зачем это они время таят? Прогрывают ведь,— слышу реплику с трибуны.

И вовсе не таят. В футболе аут — кратковременная передышка, порою и оттяжка времени (особенно в конце матча). В регби — задержание игрового пространства. Аут будет выбрасываться в полутора-двух метрах от линейной линии. В футболе ничего страшного, а вот в регби, где мяч нужно занести за эту самую линию вчетверо по сравнению с футболом. Занесясь мяч, приземлив его — команда получает три очка до еще... Впрочем, не будем отвлекаться.

Итак, мы сбрасываем мяч из аута. Соперники стоят параллельными колоннами, образуя коридор. В середине его десятая номер красных бросит мяч (своими нельзя, только в нейтральную середину). Бросок. Короткая борьба в воздухе, и наш регбист выхватывает мяч и пасует к мячу. Идет по вереву от одного игрока к другому; затем крайний неожиданно навешивает мяч на противоположный фланг там другой верев. И до его крайнего «перва» противнику не добраться. Крайний игрок спокойно пересекать линию зачетного поля, но приземлять мяч не спешит. У него есть время выбрать удобную точку для этого, а именно — середину вытара. Красные получают право на «попытку». Это «времлянный» удар с 22 метров по воротам. Если бы игрок положил мяч сразу у углового флага, то попытка производилась бы с того места, то есть под острым углом к воротам. Такие мячи реализовывать нелегко. А тут наш «забойщик» точно пробил, и команда приплюсовала к 3 очкам (за это) еще 2.

Истекло 40 минут второго тайма (в регби играют два тайма по 40 минут), а игра продолжалась. Дело в том, что регби располагает удивительным правилом, которое нелепо было бы ввести и в другие игры: матч продолжается до тех пор, пока мяч не выйдет из игры. Наши команды играли лишние три минуты.

Да, регби атлетично и резко. В нем много силовой борьбы, рождающей еще до сих пор спорные вопросы: быстро бегать (стометровку как минимум желательно пробегать за 11,2—11,5 секунды). И еще в регби есть необычная коллективная действенность, называемая мушкетерской. Недаром ведь девиз этой игры: «15 — в защите, 15 — в нападении».

С Володей Петровым я познакомился шесть лет назад. По своей диссертационной теме, связанной с проблемой тренировки мышечной силы спортсмена, я проводил серию биологических экспериментов. В этих экспериментах применялся принцип человеческого ритма — ритмы синхронизации движений москвичей в воздухе. Пришел ко мне и Володя — такой «каждый уток»: нерелефная, слабо развитая мускулатура, торчат лопатки, «крахтичные ножки» — в общем, довольно неприглядная картина. Достаточно сказать, что в то время он с тубой прибавил с весом 60 килограммов, а сейчас вылезает 45. Эксперименты скоро кончились, а мне дружба с Володей осталась. Володя на себе испытал действие воздействия на человека атлетической гимнастики. За эти годы он стал серьезным специалистом в области тренировки мышечной силы человека. В настоящее время Петров — аналитический научный сотрудник института, успешно работает над диссертационной темой. На мой взгляд, представляет значительный интерес для всех молодых людей, желающих прибавить в весе, приобрести значительную силу мышц и атлетическую форму телосложения. Интересно это будет и тем, кто страдает излишним отложением жира, полнотой и не знает, что сделать, чтобы стать сильным, стройным и красивым.

В. ЧУДИНОВ, старший научный сотрудник Центрального научно-исследовательского института физиологии, кандидат педагогических наук

КАК ПРИБАВИТЬ ВЕСЕ

КАКОЙ ТИП МУЖСКОГО ТЕЛОСЛОЖЕНИЯ СЧИТАЕТСЯ КРАСИВЫМ ДВУХ МНЕНИЯ БЫТЬ НЕ МОЖЕТ:

ХОРОШО РАЗВИТЫЕ МЫШЦЫ РУК, ПЛЕЧ, ГРУДИ И ИКР,

РЕЛЬЕФНЫЙ БРЮШНОЙ ПРЕСС,

УЗКАЯ ТАЛИЯ И ТАЗ.

ЧТО СДЕЛАТЬ, ЧТОБЫ ДОБИТЬСЯ ЭТОГО!

Правильное питание: прибавление в весе за счет увеличения мышечной массы. Трудно разобраться в большом количестве комплексов, советов и рекомендаций, часто весьма противоречивых. Один советует делать 30—40 повторений с малым весом, другие 8—10 с умеренным, третьи 1—3 с предельным и т. д. Не поэтому ли многие люди, занимающиеся в домашних условиях, не получают желаемой прибавки в весе, забравшись «неизвестные пилюли» в дальний угол!

Попробуем внести ясность в этот вопрос. Начиная с атлетической гимнастики, часто получаемый в тимуловую работу без ношей, койкой подготавливаем. Нечего и говорить, что такие попытки обречены на неудачу. Нетренированные мускулы должны привыкаться, а не форсироваться.

Раскаснув зам об умеренных, которые помогут мне продвигать застой, намного прибавить в весе, значительно увеличить силу.

В мою задачу входило разработать и опробовать два комплекса упражнений. Один — на массу и

силу мышц, другой — на рельеф мускулатуры. Этот эксперимент имеет мало общего с надувшимися в свое время экспериментом американского культуриста Фредди Рэндалла, который прибавил в весе с 62 килограммов до 122. Затем вернулся к исходному состоянию. Рэндалл прибавил в весе 18 месяцев и сбросил все 75 месяцев. Прежде всего необходимо было найти наиболее рациональные пути наращивания мышечной массы. Темп наращивания массы был выше, чем у Рэндалла, — 21 килограмм за 96 дней (у американца среднй прибавка составила 5 килограммов в месяц). К тому же Рэндалл проводил в спортивном зале более 6 часов в день, а я — 15—20 часов, то есть в два раза меньше. Для Рэндалла главное было набрать сенсационный вес, способный поразить умы обывателей. Нечего и говорить, что наш эксперимент был чисто научным и никакого отношения и сенсационности не имел.

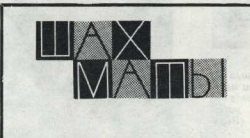
Вторая часть исследования — стония веса, связанная с оформлением («полноразов») мускулатуры, также проходила по новой методи-

мастером Мириславом Филиппом на закончившихся недавно в Бремене международном турнире Центрального шахматного клуба

Эта позиция возникла после 34-го хода Филипа. Победитель белыми.

Было сыграно: 34. Ф1 — h2-h1! 35. Кf3 — h3 36. Ch3 Kf3 37. Kf5 Cf5 38. Фf1 Kf4 — 39. Krg3 Lg8 — 40. Фf2 Kf3 — Белые сдались. Великолепный финал, делаящийся честь даже чемпиону мира.

8											
7											
6											
5											
4											
3											
2											
1											
	a	b	c	d	e	f	g	h			

ПЕТРОСЯН ЖЕРТВУЕТ ФЭРЯ!

Наблюдая за игрой чемпиона мира, разбирая его партии, мы нередко сокрушительно возмущались отнюдь не консервативными, сухими, хитры и стратегически глубокими, как будто план и действия Т. Петросяна. Позиционные лавирования, тактика выжидания преобладают в его практике. И потому не случается интуитивных, с которыми встретили любители шахмат оригинальную, типично «кавказскую» жертву ферзя, которой чемпион мира — форсированно победил чехословацкого гросс-

Под редакцией мастера В. ЛЮБИНСКОГО

не и потребовало гораздо меньше усилий, чем у Рэндалла. «Плечи» также проводили 3 месяца. Во время эксперимента сообщался строгий медицинский контроль. Давление крови постоянно находилось на нижней границе нормы. Пульс снизился с 76 до эксперимента до 56 после его завершения.

Тренировка проходила по обычной программе: приседания, мим лежа, тяга в наклоне, мим лежа шее, подним штанги на бицепсы, тяга.

На предлагаемых вамшею внимательно рисунках показаны все эти упражнения.

Теперь о диете. Те, кто с трудом наращивает вес, нуждаются в увеличенном рационе белков, жиров, углеводов, углеводов. Хорошо помогают небольшие закусочки животного происхождения. Лично я в дополнение к обычному рациону выпивал три литра молока. В мое ежедневное меню входило 200 граммов белка, 200 граммов жира и 300 граммов углеводов. Не мешает напомнить, что алкоголь и курение должны быть забыты раз и навсегда.

Когда я убедился, что достаточно силен, настала пора заменить основную программу «полюсовой» мускулатурой. Через несколько повторений увеличился до 15—20. Это означало, что вес снарядов уменьшился для лучшей концентрации на определенных мышечных группах. Делаю повторения медленно, следя за правильностью стиля и без длинных пауз между подходами. Соответственно изменилась и диета: большое количество белка, уменьшено количество углеводов. Суточный рацион должен составляться из расчета 20 калорий на килограмм собственного веса.

Исходно этих данных, примерно, суточное меню будет выглядеть так:

Завтрак: 1 стакан фруктового или томатного сока, 2 яйца, 1 кусок хлеба, чайная ложка масла, 1 стакан молока.

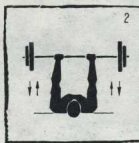
Обед: чашка бульона, нежирное мясо (птица, рыба), овощи, стакан картошки, немного хлеба, чайная ложка масла, чай или стакан фруктового сока, кусок хлеба.

Квасе упражнения добавлялись и основным для шифровки мускулатуры. Одно из них не связано с весом. Это Бег. Бег требует больше энергии, чем любое другое упражнение. Во время бега потеря энергии превышает ее поступление, ограниченное разумной диетой. Я начал с коротких дистанций и затем постепенно увеличивал дистанцию в зависимости от самочувствия.

Четыре других упражнения: приседания, наклоны в стороны, поднимание корпуса и ног — показаны на рисунках.

В результате этого эксперимента, продолжавшегося 186 дней, я стал обладателем своего собственного «сухой» фигуры с рельефно очерченной мускулатурой.

В. ПЕТРОВ

ОСНОВНЫЕ УПРАЖНЕНИЯ

1. Приседания. Лучшее упражнение в арсенале атлетизма. Выполняется после хорошей разминки. Спина всегда выпрямлена. Сделайте вдох и, задержав дыхание, с подтянутой грудью, присядьте. Начинать с легкого веса (для разогревания), затем переходите к тяжелому. Сделав три повторения, прибавляйте вес в каждом следующем подходе. После трех подходов прибавьте еще 2,5 килограмма и выполните два подхода подряд (с одним повторением).

2. Мим лежа. От груди по дну руки. Вдох — опускай штангу. Выдох — выжимай. Когда берете предельный

вес, воспользуйтесь услугами партнера для «страховки». Начинать с легкого веса.

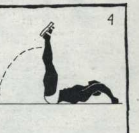
3. Тяга в наклоне. Наклон вперед, ноги слегка согнуты, хват по ширине ладей. Вытащите штангу до талии. Упражнения для широчайших мышц, создающих атлетический конус корпуса. 5 подходов по 5 повторений.

4. Мим позади шеи. Хват по ширине плеч. Упражнение развивает мышцы плечевого пояса и разгибатели рук.

5. Подъем на бицепсы. Хват по ширине ладей. При опускании штанги расслабляйтесь весу.

6. Тяга. Лучшее упражнение для развития массы мышц и силы всего тела. Поместите штангу перед собой, как показано на рисунке. Используйте хват на ширине плеч, поднимайте вес до полного выпрямления корпуса. Опустите вес и повторите. Не спешите форсировать тяжесть в этом упражнении. Входите в работу постепенно, прибавляя по несколько килограммов в каждом подходе. В этом движении с течением времени вы достигнете большого прогресса. И 200 килограммов не слишком высокая задача даже для атлетов с небольшим тренировочным опытом.

Дополнительные упражнения («полюровка»)

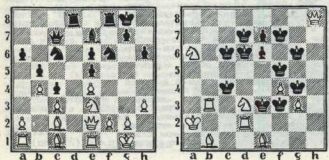

размен ферзей, и сканется активность черных ладей, преимущественно их пешечной конфигурации. 20. Лf5 30, Лf4 g5 31, g3 g4 32, Лf5 32, Крf3 34, Лf3 Лd3 35, Крf3 + Крf5 36, Лf7 Сd8! 37, Лf7 Лg8. Ход белых невыгоден, так как черные усиливаются. Под захват Холандера можно отдать пешку, после чего фигуры Фишера оказываются разобщенными у турско-чешских инотраимы. 38. Лf8 Лf7

39. a4 h5 40, ab ab 41. Лf5 Сh4 42, Крe2 Лf3 43, Крf1 Лf4 44, Крf1 Лf4 45, Сb5 46, Крf1 Лf2. Белые сдались.

ВЗГЛЯНИ И РЕШИ

Одного взгляда достаточно, чтобы понять: это не белая, а черная шахматная позиция, а задача-шутка. Белые в один ход дают мат всем десяти (!) королям черных.

БАЛАШИХИНСКИЙ КАЗУС

Известно, что на сеансах одновременной игры напы стеники в известной степени уравновешиваются, и матю, большинство участников массовых шахматных турниров приходится в конце концов проигрывать непереносимую глорю Балашкино.

На диаграмме вы видите позицию, создавшуюся после 28-го хода Белых, которые взяли на б7 неприятельского короля. В этой современной связи по рукам и ногам. Но молодой способный Балашкинский шахматист В. Лысков нашел за сбалансированную комбинацию комбинацию, основан-

ную на двух изящных тактических ударах, и добился ничьей с помощью второго шаха.

Ворья закончилась так: 28... Кf3 + 1 30. Л: g3 (после 28. hg белая королева шах чал мат) Фd1 + 1 (неожидаемый промежуточный шах так как в случае немедленного 30... Кe1 + 40. Крf2 Лe2 + 41. Крf1 черные не достигают цели) 40. Крf2 Лe2 + 1. С... е:е1 неизбежная проигрыша белые об-

заны взять качество: Ф: e2 + 42. Крf1 Фe1 + 43. Крf2 Фe1 + 44. С... е:е1.

Поучительная комбинация!

СТРАШНЫ ЛИ ДВА ЧЕРНЫХ ФЕРЗИ?

Какой неожиданный маневр позволяет белым в этой этюдной позиции chessского композитора Ф. Пронопа ответить отрицательно на наш вопрос и добиться ничьей?

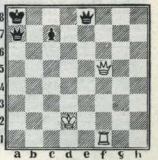

ФОТО М. МУРАЗОВА

На вышла мне на встречу — высокая, в белом с иржуевыми оборнами фартуке. У нее было «конт», и мы наделись споконно поговорить в грим-уборной. Светлана включила потроиче динамики над дверью, чтобы не пропустить выход, и комнату наполнил голоса. Со сцены в этот вечер в филлиале Малого театра шла пьеса Г. Ибсена «Привидения». Светлана Ягун играла Регину Энгстрем. Полу-прислуга-полуодоч фру Алвинг, воспитанная «пр-благородному» и подающая фру и ее сану шампанское. Молодая, красивая, жизнерадостная, но сдержанная, как бы затинившаяся и безжалостная... в этом несчастном доме. Маленькая роль. Но в Малом театре в начале этого века Регину играла В. Н. Рыжова; но сейчас на сцене в роли фру Алвинг актриса редкого таланта Елена Николаевна Гоголева... И это и не в комнату фру Алвинг придет высокая белокурая девушка в фартушке с иржуевыми оборнами.

— Света Ягун — неониданно радается совсем «не сценический» голос из динамика.

Светлана встает, быстро оглядывает себя в зеркало и как-то по-особенному вскидывает голову. И вот она уже Регина. Шагает через порог, слегка сгибается под прилохой. И сиоро в динамике голос Регины: «Вы меня вызывали?» — и голос Елены Николаевны Гоголевой: «Алвинг: «Принеси лампу, Регина». Сейчас я уже зажигаю».

В слы голос: пастор Марнерс, Освальд, фру Алвинг, Регина — и вспоминаю начало нашей беседы со Светланой Ягун: как она пришла в Малый театр в кинематограф. Как стала актрисой.

Это был прелестный спектакль — с искренним восторгом говорила Светлана, раскочившаяся на стуле. Длинное платье Регины — очень шло. Я играла главную роль — Емелю-ураица, а моя первая сестренка... ведро. Меня привязывали и пиче, возили на ней по сцене и в раскочивали и вперевыва Емели. Успех колоссальный. Нам привозили в другие школы, клубы...

Потом Света посерьезнела и была мне судьбой одинокой женщины, ее школьной учительницы, которая поставила лицо и пеняла и вперевыва внесла в душу Светлане смеление: оно потом превратится в непреодолимое влечение к театру.

Как часто судьбы молодых артист бывают похожи одна на другую и как часто судьбы молодой самодельности, пришла по конкурсу в театральный институт и вот уже так становится «родным домом».

А Светлане отец не разре-

шал и думать о театре. Она поступала в медицинский институт, но «схватила» туберку по имени. Честно говоря, не очень и ждала, что не прошло, только страшно было чести домой: попадет ведь. Ее приняли в энергетический техникум на теплотехнический факультет. Так она стала специалистом по котельным установкам. Работала в проектно институте, сидела над чертежами, но попросилась на завод, в цех. На заводе ей нравилось. И еще ей нравилось читать со сцены стихи, целые поэмы.

«... Мне кажется, у нее даже голос изменился — там, на сцене. Стал глубже, звучнее, богаче интонационно: «Сударыни! Слышите? Народ кричит!»

Освальд. Что случилось? Откуда этот свет? Регина (кричит). Приют горит!»

Раздался аплодисменты: закончило второе действие. Со всеми недавно Освальд говорил матери о Регине: «Ты обращай внимание на ее походу! Какая твердая и свободная поступь! Она так и вошла — свободными, твердыми шагами, устало присела на стул, просто улыбнулась».

Теперь она рассказала мне о том, как все-таки решилась съездить конурские заеззены в ДЛТИ (Ленинградский государственный театральный институт). Это был последний для нее год, когда можно было поступать в театральный вуз: ей уже исполнилось 20 лет. Неониданно для товарищей по заводу и даже для нее самой ее приняли.

Юлия Солнцева пригласила Светлану Ягун с четвертого курса сниматься в фильме «Повесть пламенных лет» по сце-

нарию А. Довженко. Ульяна — первая роль Светлане в кино. Молодость, обаяние, умение найти в образе неповторимые черты и передать их на экране и, конечно, дарование — все это помогло Светлане создать несколько интересных работ в кинофильмах «Большая руда», «Будни и праздники», «Товарищ Арсений». Только что Светлана закончила сниматься в новом фильме В. Шуцкина «Братья». В Малом театре она недавно, но уже занята в нескольких спектаклях: «Палата», «Главная роль», «Госпожа Бовари», «Привидения». Но самой удачной и самой большой ее ролью остается Полиссена в спектакле «Правда хороша, а счастье лучше». Это очень хорошо и знаменательно, что в «доме Островского» любимой ролью молодой актрисы стала роль из классического, тради-

Актриса Малого театра Светлана Ягун.

В спектакле «Главная роль» Светлана играет Тамару Гавриловну.

Кадры из кинофильма «Товарищ Арсений» (Стеши) и «Повесть пламенных лет» (Ульяна).

ционного репертуара Малого театра.

«...Голос фру Алвинг: Регина, я вижу теперь — ты погибнешь!»

Регина. Э, ладно! Adieu!»
Спектакль «Призвения» подходил к концу. Мы вышли на улицу, когда со сцены еще слышались голоса и Освальд (Н. Подгорный) хотел увидеть «солнце». А на Ордынке было темно и тихо. В метро «Добрянская» стояли парни, кого-то ждали, а может быть, просто там. Мы пили газировку на автоматов, и Светлана в своем истречатив пальто, высокая, стройная, была похожа на спортсменку (она и правда любит играть в волейбол). Парни все смотрели, как она шла к эскалатору, и как он увозил ее вниз.

Н. ДМИТРИЕВА

СЕРИЯ

стория старинного помещикового села Большие Вяземы восходит ко временам Вересаева Голыгина.

По преданию, злые духи перлов и большой труд были сожжены в конце XVI века. Неподдалеку от Вязем — вотчина князя Голыгина — в двух километрах находилось Захарово — имение М. А. Галлицкой, вдовы А. С. Пушкина. В детстве поочередно гостили у своей бабки. Часто, особенно по праздникам, семейство Пушкиных отправлялось в соседние Вяземы в обедне. Возможно, здесь они встретили хозяйку поместья знаменитую Наталью Петровну Голыцину. Тогда это была уже пожилая женщина, очень неяркая, умная и своенравная, с крутым нравом и сильным характером. Про нее рассказывали самые невероятные легенды. Поговаривали, что делом ее был сам Петр I. Живя, она проехала долгие Вязьмы в Германии, Англии и Франции. До 1760 года почти беспрерывно жила за границей. Вернувшись домой, 24летняя девушка ослепнула, в светскую жизнь — балы, домашние спектакли, карусели. На одном из этих увеселений Наталья Петровна выиграла золотую медаль, вынесенную в честь первого брака, и вышла замуж за карусели своим притяжнейшим парусником.

Вышла вскоре замуж, она вновь уехала во Францию, неведая тогда детям европейское образование. Парою ее принимали в высшем свете, она была знакома с графом де-Ноблем, авантюром, приписывающим себе невероятные подвиги и выдающим себя за современника Фрэнсиса Дюкского короля Франиса I. Знавшие его вене. Была удостоена звания «естественной», неоднократно награждалась высшими орденами. Здесь же в Париже она стала свекровью своего, как восторженно народ расправдался с ненавистным аристократом.

Вполне вероятно, что посещения Вязем — в сановитом «стихотворении» к княгине Н. П. Голыциной запомнились будущему поэту еще с детства. Много позднее, спустя из лет, о нем А. С. Пушкин полонит в основу своей «Пиковой дамы», изображая Наталью Петровну Голыцину в образе старой графини.

В марте 1834 года в третьей книжке журнала «Библиотека для чтения» появилась повесть «Пиковая дама», подписанная вместо полного имени автора сокращенно «Р». Успех пришел сразу же. «Пиковая дама» была чрезвычайно популярна и в «малых чертах», и в «полных». Объяснилось это прежде всего тем, что в повести, как отмечала критика, «есть черты, современных нравов». Видимо, это — несколько и бесспорно — так. Как предостерегает критика, представители которой так реалистически ярко и сатирически остро бились на интерес Пушкина «карточкой» и повести введены на все страницах великосветские кутерьма и игорня. прожитая жизнь, все эти Томсины и Нарумовы, Стурны и Зоричи, Чапичевы и Чернышевы.

Однако все сошло благополучно. Пушкин заласкает в дискуссию «Моя «Пиковая дама» в большой моде. Игроки портуют на трюм, семейство тут же. При дворе наши сходство между старой графиней и княгиней Галлицкой Петровны и, наконец, и сердятся».

Во время чтения повести своему другу Николочку Пушкин привнесла ему, что случай, описанный им, действительно имело место. Об этом, по словам поэта, ему рассказывал внук Н. П. Голыциной, дело якобы было так. Однажды, сидя противам в карты, он пришел и бабе просить карты. Старуха назвала ему три карты, малознаемые ей в свое время в Париже и в Петербурге, — «семафор», «лабушка». Внук повстал на эти карты.

Но не только этот забавный анекдот послужил источником сюжета для романа русского прозаика Пушкина и свой литературный фон, но, конечно, и «карточка» Голыциной. В частности, называли ме-

дамы интересоваля сведения по истории карточной игры, описания игры парижских игроков. К литературному фону пушкинских повестей отсылают и роман «Ариэ» немецкого писателя, глава дер Фельман — в романе пушкинского литератора. В этом романе встречается эпизод «верной игры» и т. д.

Вторая глава пушкинской повести начинается с описания урюженного гулетки старой графини. Как и в молодости, тогда она была достаточно приятельской, графиня по многолетней привычке проводила из зеркала

не один час. За этим занятием же и застает внук Павел Александрович Томский, от которого герой повести Германи накануне узнал о тайне старой графини.

Упомянутая в начале этой главы княгиня Дарья Петровна, известная по смерти которой так спешно восприняла старую графиню, — родная сестра Н. П. Голыциной. Факт этот тоже соответствует действительности. Будучи вдовствующей старухой, Наталья Петровна встречала сообщения о смерти близких родственников с поворочительным равнодушием: «Я и уже не думал», — писал по этому поводу П. А. Вяземский. Последнее замечание, пожалуй, однако, не исключает ироническую и особый смысл. Простая-родную Голыцину за глаза называли «княгиня Уставная» — потому что отчетливо стали видны уши и борода.

Пушкин, сохраняя своей «пиковой даме» многие черты старой княгини, придал ей однако, ее молодости и красоту, назвав «Верной мосьмошкой». На самом деле прозвище «Верная» принадлежало старухе княгине, которая в отличие от матери была «очень хороша собой».

В повести описан и подлинный дом Н. П. Голыциной. Помпезно, Германи под впечатлением анекдота, «трех карт» бродит по вечернему городу. Вяземко, слово, обозначающее городскую силу, «очутился он в одной из главных улиц Петербурга перед огромным старинной архитектуры» герман остановился.

Чей это дом? — спросил он у угловатого будочника.

Графиня? — отвечает будочник. Дом этот сохранился и по сей день, правда, в несколько перестроенный. Он стоит на уменьшенной улице Гоголя. Во времена Пушкина этот дом был известен всему Петербургу.

Как было сказано, вопреки Пушкину княгиня и в молодости не блистала красотой. А как же портрет молодой красавицы, одетой в модные и затесанные висками и с розово в пудренных волосах, перед портретом старой графини, оставившей Германи?

Слова, как и в случае с прозвищем, Пушкин ищет в виду подлинный портрет Екатерины Владимировны Александровны — старшей дочери князя. По ее вероятности, портрет не раз видел это изображение и сам Пушкин, и его у Апраксинских. На это в повести есть вполне определенное упоминание: Пушкин точно называет автора этой работы — французскую художницу Вероник Дювер.

Сохранилось несколько портретов и самой Голыциной. На снимке, вырезанном французским художником Тоско, отчетливо виден нос с горбинкой. На портрете работы польского знающей придворной дамы времен Екатерины II, затесанные виски и пудренные волосы, украшенные ниткой жемчуга. Есть еще один, более поздний по времени портрет княгини, на котором она нарисована в чепце.

В рэшадке последней игры в Чарльковском (встарь, образ, также именуют Голыне реального прототипа — мочковатого барина В. А. Огоне-Догодомского) Германи обнаружил, вместо туза у него стояла пиковая дама. В эту минуту ему понадеялся, что пиковая дама трижды игралась и усмехнулся. Неожиданно нос сходство поразило его...

Старуха! — закричал она в ужасе.

Изображение пиковой дамы на карте и облик старой графини совпали в воображении героя повести.

Видимо, княгиня Уставная действительно национальна всецело старуху. Современники признают, что она испугала страх. Во всяком случае, ее внятного и крутого нрава много, прибавляя к ней вездесущую молодую девушку на помол. Гвардейский офицер, только что нашедший эпизод, анализ и ней, как главнокомандующему, — вспоминает один из современников: «Самый один из трехлетка перед ней. Муж был у нее под пальтою — «род бабушкин дядько», как охарактеризовали его в повести, бывший сдурути светел, как огня. Выходил в солидном возрасте и чинях, не смел ни при ней сидеть. Доклокло до того, чтобы в обличье старой графини совпала в воображении героя повести.

Видимо, княгиня Уставная действительно национальна всецело старуху. Современники признают, что она испугала страх. Во всяком случае, ее внятного и крутого нрава много, прибавляя к ней вездесущую молодую девушку на помол. Гвардейский офицер, только что нашедший эпизод, анализ и ней, как главнокомандующему, — вспоминает один из современников: «Самый один из трехлетка перед ней. Муж был у нее под пальтою — «род бабушкин дядько», как охарактеризовали его в повести, бывший сдурути светел, как огня. Выходил в солидном возрасте и чинях, не смел ни при ней сидеть. Доклокло до того, чтобы в обличье старой графини совпала в воображении героя повести.

Василий Львович Пушкин, для него посвятивший повесть, по добродушеству написали: «Повесть ты с нашими судьбами! Все же твое, твое же, генерал. Умерла княгиня Уставная» девственность ее лет, пережив почти на год автора «Пиковой дамы», изображая в повести под именем старой графини.

В ЯЗЫК ТЕЖИМЫЙ ИМР...

Это не было очередным открытием. Или очень интересным открытием. Или даже чрезвычайно важным открытием. Это был смелый и без того бурный океане науки. Молодой английский физик Поль Дирак написал странное уравнение. То, что пролило в нем ученые, гонялось им, мягко выразился, недоумением. Более критично сказано он не хотел обидеть автора. Формула стала бы формулой, а вместе с ним и наука тайну существования антипартнера.

Это один из примеров того, что великое открытие почти всегда в момент рождения кажется непонятным, запутанным, спорным. Автор скорее чувствует его, чем понимает. Для окружающих чаще всего превращаются в нападок и дискуссии. Так случилось с удивительным докладом патентного бюро Альберта Эйнштейна, которые словно разбудили зарекавшийся был в конце XIX века вулкан познания. Так было с безвестным советским физиком А. А. Френкелем, заглянувшему, что вселенная по-прежнему и неизменно раздувается, как мяльный пузырь. Так происходит сейчас, когда на наших глазах В. А. Амбарцумян выворачивает наизусть все предание представления об эволюции мира.

Искренность, дерзость, пахучая способность — таковы дух науки XX века. Идем зачастую так удивительны, что даже специалисты кажутся «бесумными». Но именно от них мы ждем решения самых сложных проблем современной науки. И в то же время поиски «бесумных» идей составляют основную проблему современной физики.

Обо всем этом говорится в недавно вышедшей книге немецкой писательницы Ирриной Радунской в первую очередь для любопытной молодежи, говорится на примере многих очень интересных и важных явлений, уже изученных физиками, и проблем, стоящих перед нами, ожидающих своего решения. Автор с волнением рассказывает о тех сомнениях и ошибках, неудачах и разочарованиях, которые приходилось нередко преодолевать даже общепризнанным гениям. Читатель узнает и о том, как важен дух сотрудничества и коллективизма, широкий обмен информацией и творческие дискуссии для достижения новых высот в науке.

Приходится только радостно вспомнить появившуюся очень интересную и полезную книгу для молодежи. Но мне хочется напомнить причину о строителях пышного мезарельера в японском городе Нинко. Ослепленные великолепием своего произведения и уверенные в его совершенстве, они испустили тысячу богов и намеренно нарушили симметрию, перевернув вверх ногами одну из колонн. Вероятно, автор реконструировал неминуемо мнение этих архитекторов не претендуя на абсолютную совершенность своего произведения и не прогибаясь на небольшие критические замечания. В книге есть отдельные неточности и промахи как фактического (например, в объяснении явления сверхпроводимости), так и философского порядка (так автор почему-то утверждает, что вещество и антивещество — это «две формы существования материи»). Попадаются иногда повторы. Однако все это не портит общего впечатления.

Г. Б. ЖДАНОВ,
доктор физико-математических наук

Владимир КАНТОРОВИЧ

САХАЛИНСКИЙ ХУДОЖНИК ГИВИ МАНТКАВА

В 20-х годах писательское издательство «Круг» выпустило в свет приключенческий роман со своеобразной рамкой: на обложке издательство пришло к читателю и извещает о возможных печатках. Роман оказался столь увлекательным, что им зачитывались в ущерб профессиональным обязанностям даже наборщики и корректоры.

Нечто подобное происходит с книжными иллюстрациями, выполненными Гиви Манткава. Его рисунками любовались зароло до выхода книги: у художников, редакторов, техперсона, корректоров они переходили из рук в руки, их докладывали писателям, у которых выпрыскивали оригиналы. Это было в Сахалинском издательстве, где Гиви иллюстрировал книги. На мой взгляд, он оказал прекрасную суперобложку к стихам сахалинского поэта Владимира Солги «Самые близкие: рыбки, коты, желваки, шашлык образует строгий узор, рыбы тушки смело обозначены красными, зелеными, белыми пятнами. В столичном издательстве «Советский писатель» Гиви выполнил обложку и заставки к моим «Сахалинским тетраграмм» (часть этих рисунков воспроизводит «Смена»).

Гиви Манткава создал серию рисунков «Сахалин в прошлом и настоящем», сделала гравюры, живописи, исполнены глубокого смысла, очарования. Пышет он большей частью черным по белому, пером или тушью, и все-таки его «Хоткое море» представляется нам сверкающим, озаренным ярким солнцем. Манткава вообще оптимист: вот вывернулся из тоннеля и кинул по Чертову мосту железнодорожный и по-своему величавый поезд. И в самом деле волшебственное это зрелище — железная дорога в горах, да и вообще красавец современный Сахалин, преобразженный трудом человека. А когда мысль художника обращается к мрачному прошлому острова, к какому-то Сахалину, про который говорили: «Кругом — море, а в середине — горы», — Манткава рисует обобщенную, символическую фигуру одинокого, отчужденного «Бродяги» (в этом рисунке фигура мистерики завершает пространственную композицию). Мне нравится иллюстрация к рассказу «Иэнси». Изображен трус, по вине которого погиб человек. И мы заключаем, хотя бы по большой эвемивной тени, которую фигура отбрасывает на землю, что сурь собственной совести явился ему беспощадный притвор.

Пять лет назад на Южносахалинском выставке я впервые увидел Гиви Манткава у стендов с его произведениями. Это была для меня пора поисков. На стене висела картина (мисла) на местный историко-революционный сюжет, выполненная в манере русской бытовой живописи. Картина эта могла служить разве что доказательством: из стен Тобинской администрации выходят громадные художники. Рядом разместились арки — «срарьянские» — южные цветы и различные «пробы пера» в традике. Мне же зала в душу чуть грустнуй, предвременно невзкий сахалинский пейзаж: горы, глубокие тени на скалах, река, море... Гиви Манткава уже тогда не гнался за фотографической похожестью, не выискивал детали, малотрив, стремился к обобщению, но как раз в его рисунках восоздан образ сахалинской природы. Гиви притянул своего рода геометрическую художественную идею. Здесь складывается восприятие ландшафта современным человеком, тем более жителем Сахалина. Ему ведь не раз и не два приходилось глядеть на землю сверху, с самолета, с горного пика.

Гиви Манткава закончен, усвоен в сво-

ВОСХОД СОЛНЦА

См. 4-ю стр. обложки.

«ЧЕРТОВ МОСТ».

ЗАОЧНЫЕ КУРСЫ УМСТВЕННОЙ ГИМНАСТИКИ

ЗАНЯТИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

ТРИ ПАРАДОКСА

2. Между городами А. и Б. расстояние — 200 километров. Самолет, курсирующий по этой трассе, летит со скоростью 100 километров в час. Таким образом, без учета стоянки он находится в пути туда и обратно 4 часа. Предположим теперь, что в направлении от А. к Б. дует постоянный ветер. Естественно, что он с обдувающей силой поможет при полете в одну сторону и мешает при полете в другую. Следовательно, при расчете времени пути в оба конца его силу не следует принимать во внимание, то есть какова бы ни была скорость ветра, самолет потратит на полет из А. в Б. и обратно те же 4 часа. Теперь представим себе, что скорость ветра — 120 километров в час. Иско, что тогда самолет вообще не сможет облететь из Б. в А. В чем же тут дело?

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ № 20

Открытый сейф

На телефонной трубке не было отпечатков пальцев. Между секретарь, по его словам, звонил директору уже после того, как обнаружил кражу. Эта ложь и выдала его инспектору.

Китайская ваза

Рассказ сторожа неправдоподобен. Он не мог выстрелить в убегающего элктромонтера, если бы держал в одной руке фонарик, а в другой мешок с вазой.

Зашифрованная азбукица

191+911=381+821=461+641=1102

1. Семь путешественников остановились в гостинице на ночлег. Каждый из них хотел занять отдельную комнату. Но у хозяйки было всего шесть свободных номеров. Тогда он поступил следующим образом. Он привел всех в первый свободный номер, послал в нем первого путешественника и попросил еще одного задержаться в нем на пять минут. Затем он отвел третьего путешественника во вторую свободную комнату, четвертого — в третью, пятого — в четвертую, шестого — в пятую и, вернувшись за оставшимся в первой комнате путешественником, послал его в последней, шестой комнате. Так все и разместились. Иско, что без обмана не обошлось. Но кто же обманул?

3. У двух торговцев было по 30 арбузов. Один продавал их по цене два арбуза за рубль, выручая за день 15 рублей, другой — по цене три арбуза за рубль и пользу в итоге 10 рублей. На другой день они решили объединить свои усилия и стали продавать пять арбузов за два рубля. Продав 60 арбузов, они подсчитали выручку и с удивлением обнаружили, что заработали всего 24 рубля. Действительно, куда же делался двадцать пятый рубль?

Юный техник. Рисунок Е. ШАВЕЛЬНИКА

Рисунки А. НЕКРАСОВА

Рисунок О. ТЕСЛЕРА

ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:

Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНАМ:

Для справок — Д 3-30-87; отдел литературы и искусства — Д 1-32-84; отдел очерков и публицистики — Д 3-31-03; международная линия — Д 3-31-50; факсультуры и спорта — Д 3-30-47; писем — Д 3-30-47; науки и техники — Д 3-31-60; студенческой молодежи — Д 0-49-86; информации — Д 3-31-60; оформления — Д 0-50-39.

Главный редактор В. И. Самохин.

Редакторы: К. К. Андреев, А. Д. Голубев (заместитель главного редактора), Е. А. Долматовский, К. Н. Завоскин, Р. Ф. Казакова, Е. П. Кравский (ответственный секретарь), А. С. Куликов, Е. М. Рабчиков, Г. В. Семенов, С. С. Самуилов, А. Б. Стуков (главный художник).

Рукописи не возвращаются.

Оформление В. Соколова.
Технический редактор Н. Вудина.

А 02440. Подписано и печатно 2/ХІ 1965 г.
Тираж 900 000. Над № 2063.
Заказ № 2922. Формат бумаги 70 x 108/16.
2 бум. л. — 6,48 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

НАСМОТРИСЬ, ЗОРЬКА, В РЕЧЕНЬКУ

Слова О. ФОМИНОЙ Музыка А. ФАТХА

Насмотрись, зорька, в реченку,
Пока речка не вымерзла,
Пока нив над реченькой
Зеленым-зелена.
Ты, хорошая девушка,
Насмотри на любимого:
Скоро милому в армию,
Скоро будешь одна.

Разлилась зорька по небу,
По лугам расплескалась,
Окумала, румяная,
В Серебрянку-реку.
Не успела я, бедная,
Насмотреться на милого —
Раным-рано на станцию
Уезжать пареньку.

Зорька в речке купается,
Катаясь к берегу купается.
Ива трогает за носы:
«Не грусти, не грусти,
Если чувства надежные,
Будет служба примерная,
Примет служба примерная —
Примет погостить».

Неторопливо.

Насмотрись зорька, в реченку, по-ка речка не
вымерзла, пока ива над реченькой зеленым-зелена.

Ты, хоро-шая де-вушка, насмотри на любимого, — скоро милому
в ар-мию, скоро будешь одна. Ты, хорошая де-вушка,
насмотри на любимого, скоро милому в армию, скоро будешь
одна.

на. 2. Разлилась зорька/примет погостить

К Р О С С В О Р Д

По горизонтали:

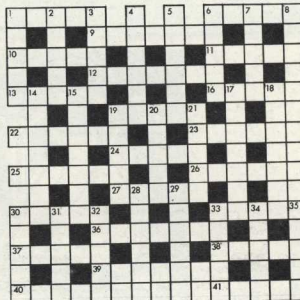
- Советский шахматист, гроссмейстер. 6. Деталь огнестрельного оружия. 9. Известный советский актер театра и кино. 10. Автор песни «Смело, товарищи, в ногу!». 11. Имя героя романа Э. Войнич «Война и мир». 12. Областной центр УССР. 13. Многолетнее растение, цветущее один раз. 14. Радиоизлучательный элемент. 19. Минерал, разновидность агата. 22. Советская гимнастка, чемпионка на страны. 23. Река в СССР. 24. Большая провозная дорога. 25. Знаменитый итальянский тенор. 26. Пушной зверек. 27. Машина для добычи золота. 30. Ирригационный канал. 33. Порт в Марокко. 36. Грузинский поэт. 37. Автор романа «Иерусалимская раба». 38. Цитат со светлыми надписями. 39. Герой рассказа М. Шолохова «Судьба человека». 40. Советский разведчик, Герой Советского Союза. 41. Курорт на берегу Черного моря.

По вертикали:

- Часть норавли. 2. Персонаж рассказа М. Горького «Мамар Мурад». 3. Прыток Терек. 4. Основоложение классической механики. 5. Изображение, полученное при фотографировании. 6. Порообразующий минерал. 7. Вращающаяся часть турбины. 8. Башкирский народный музыкальный инструмент. 14. Стихотворение М. Светлова. 15. Центр угольного бассейна в СССР. 17. Русская пианистка и педагог. 18. Народность, населяющая центральную часть Мадагаскара. 19. Электронная лампа. 20. Один из Ионических островов. 21. Спортивный инвентарь для игры в волейбол. 28. Птица, обитающая в тундре. 29. Вид спортивной обуви. 30. Сильный холод. 31. Комплект типографских форм. 32. Латинская писательница. 33. Советская союзная республика. 34. Надстройка на верхней палубе судна. 35. Повесть А. Гайдара.

Составил В. СКВОРЦОВ.

г. Рязань.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ В № 21

По горизонтали:

3. Фуччи. 6. Калангоич. 9. «Вадим». 12. Казин. 14. Рагозин. 16. Брест. 18. Гомер. 20. Твардовский. 22. Тотор. 24. «Порог». 26. Нанна. 28. «Сон». 30. Галстук. 32. «Набо». 33. Рюок. 34. Илантис. 35. Радичев. 36. Руссо. 37. Стень. 38. «Слоха». 40. «Нос». 42. «Кубок». 45. «Марта». 48. «Домой». 49. Серферинвич. 51. «Набо». 53. Тарас. 53. Менелок. 55. «Гений». 56. Хорей. 59. Бергольци. 60. Инбер.

По вертикали:

1. «Чудан». 2. Гирей. 4. Сабир. 5. «Титан». 7. «Файт». 8. Диню. 10. Мавра. 11. «Хорошо». 12. Кисел. 13. «Арион». 15. «Мешон». 17. Твен. 18. Гира. 19. Рагеская. 21. «Домострой». 23. «Равнина». 24. Пирей. 25. «Парус». 27. Афина. 28. Сатин. 29. Нина. 30. «Ружо». 31. «Ноль». 38. «Страх». 39. «Хлеб». 41. Оппер. 43. Уилг. 44. Кюда. 46. Вачей. 47. «Молох». 48. Снет. 50. Чалек. 53. Милев. 54. Вольф. 57. «Югос». 58. Ромо.

ей графике, но всегда соблюдает художественную меру, не порывает с традициями жанра, значение которого он постиг, вглядываясь в работы своих учителей — Лазо Гудиншвили, Давида Какабадзе, Нико Пироменишвили.

Во всяком случае, за эти годы Гиви Мангвака обрел свой почерк в графике, особенно книжной; его рисунки своеобразны, их узнаешь, не глядя на подпись художника. Из этого вовсе не следует, что он не нуждается во встрече с профессиональной, строгой, но дружественной, широкой, а не провинциально ограниченной критикой. Напротив, как мне кажется, молодой талантливый художник, работающий на далекой окраине и — хлеба ради мстущего — загруженный главным образом ремесленной работой, нуждается в критике больше, чем кто-либо другой.

Но для того, чтобы такая встреча наконец состоялась, нужно бы собрать лучшее из графики Гиви Мангваки и, может быть, издать альбом его сахалинских рисунков.

ИЗ «САХАЛИНСКОЙ ТЕТРАДИ»

ПЕСНЯ

ХЛЕБ-СОЛЬ

ГАДАНИЕ НА КОФЕИНОЙ ГУЩЕ

